

rusnewsnz.com

выходит с мая 2002 года

№126 СЕНТЯБРЬ-ОКТЯБРЬ

Наша Гавань

БЕСПЛАТНО

НОВОСТИ КУЛЬТУРЫ
МАКСИМ ВЕНГЕРОВ В ОКЛЕНДЕ

НОВОСТИ КУЛЬТУРЫ
КРАСОТА СВОИМИ РУКАМИ

НАШЕ ИНТЕРВЬЮ
ПОЮЩАЯ УРАЛОЧКА

CULTURE
**FOR LOVERS OF HUMOUR,
MUSIC AND SONGS**

СОДЕРЖАНИЕ

МАКСИМ ВЕНГЕРОВ В ОКЛЕНДЕ.....	5
КРАСОТА СВОИМИ РУКАМИ	7
ДЖОЗЕФ И УДИВИТЕЛЬНЫЙ РАЗНОЦВЕТНЫЙ ПЛАЩ СНОВ.....	10
ПОЮЩАЯ УРАЛОЧКА	11
МЫСЛИ ВСЛУХ.....	14
ПРОГУЛКИ ПО БИБЛИОТЕКАМ	16
ИСТОРИЯ ОДНОЙ БИБЛИОТЕКИ.....	18
ОТЕКИ: КОГДА ПРИПУХЛОСТЬ ВОКРУГ ГЛАЗ - ПОВОД ДЛЯ БЕСПОКОЙСТВА ...	19
FOR LOVERS OF HUMOUR, MUSIC AND SONGS.....	21
НОВОЗЕЛАНДЦЫ РАССКАЗЫВАЮТ О БОЯХ ЗА КРИТ	24
НИКОГДА?.....	52
ИСТОРИЯ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ОДНОГО ИЗ САМЫХ ГРУБЫХ РУССКИХ РУГАТЕЛЬСТВ	54
ВЫСОТА.....	56
АЛЕКСЕЙ ВОЛОДИН “Я НЕСКОЛЬКО РАЗ ДЕЛАЛ ЛУНУ”	57
ПЕПЕЛЬНИЦА	60
АФИША «НАША ГАВАНЬ»	67

Eastern European Delicatessen

www.skazka.co.nz

16 Kingdon Street, Newmarket, Auckland

ПЕРСОНАЛЬНЫЕ ВЫСТАВКИ

Уважаемые читатели, обратите внимание, мы продолжаем организовывать виртуальные выставки наших талантливых русскоговорящих новозеландцев. Их работами всегда можно посмотреть на нашей страничке: «НАША ГАВАНЬ» – Конкурсы, выставки, фестивали ([facebook.com/groups/617809839452303](https://www.facebook.com/groups/617809839452303)).

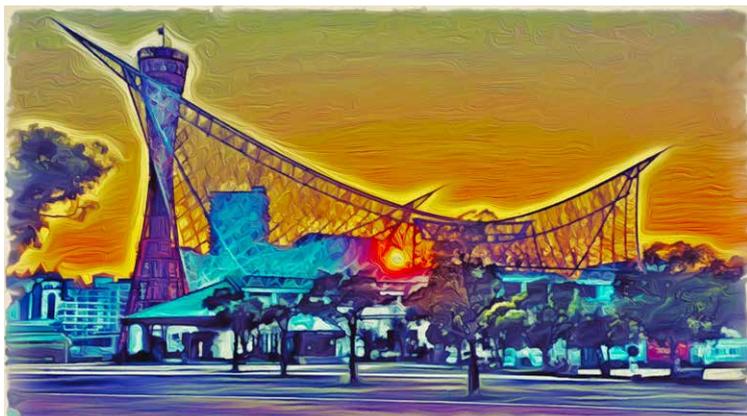
В июле этого года мы познакомили с необычными работами **Тимура Циклаури: «НИППОНАМА. ЯПОНСКИЕ ЗАРИСОВКИ».**

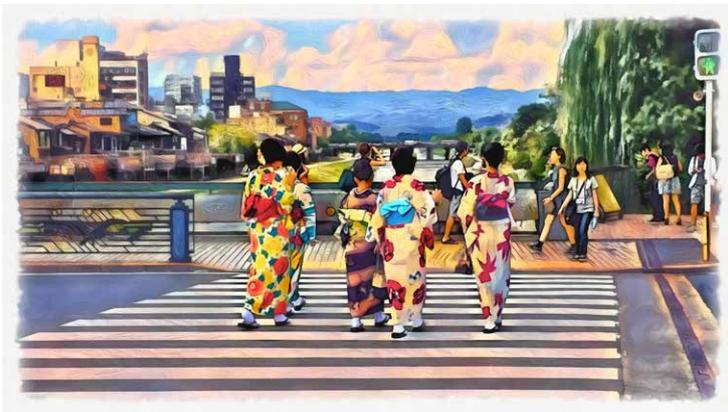
Как и было обещано, редакция выбрала некоторые из его работ для публикации в этом номере.

Мы будем и дальше устраивать виртуальные выставки, знакомить с работами новых

участников на нашей странице в Фэйсбуке и в «Нашей Гавани». Присылайте свои пожелания или сообщайте о наших русскоговорящих талантах. И мы обязательно с ними свяжемся.

Другие их фотографии с комментариями читатели могут посмотреть на нашей страничке: «НАША ГАВАНЬ» - Конкурсы, выставки, фестивали ([facebook.com/groups/617809839452303](https://www.facebook.com/groups/617809839452303)).

МАКСИМ ВЕНГЕРОВ В ОКЛЕНДЕ

Такое грандиозное событие в музыкальном мире Новой Зеландии происходит, к сожалению, не слишком часто. Скрипач с мировым именем, гражданин мира, дал единственный концерт в Окленде. Только счастливики смогли на него попасть, хотя мечтали побывать на этом концерте многие... Не сложилось... С удовольствием публикуем впечатления от концерта одного из счастливицков, слушавших скрипку Максима Венгерова вживую.

Мастер! Безумная техника, мысль, кантилена! А какой голос у скрипки! Богатый и насыщенный с ровным тембром от самых низов до самых верхов

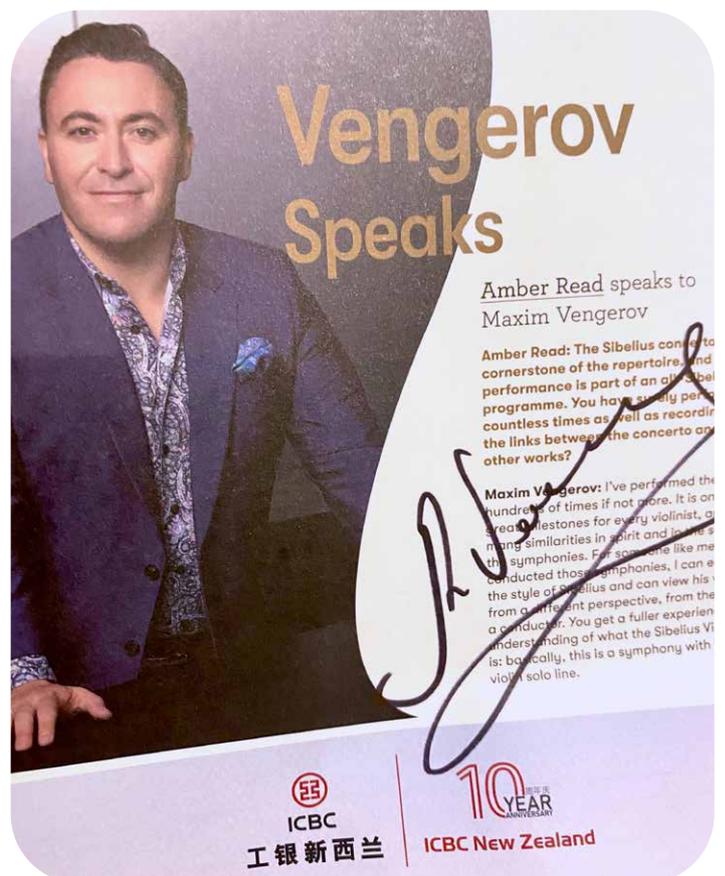
... И как можно так чистейше «скакать» с нижних нот на верхние????!! А какие флажолеты! Нет конца восхищению!!! В нижнем регистре скрипка

звучит как виолончель, бархатисто и как-то по-особому мягко. Меня всё время преследовала мысль - почему его игра завораживает? Сначала я переключалась с детали на деталь и анализировала их, а потом нашла ответ. В игре Максима главное - это тонкая и длинная мысль, которая всё объединяет в единое целое. Какие бы сложности не играл Максим - они не звучат как техническая самоцель. Ведь что греха таить, многие музыканты именно так подходят к исполнению, препарировав музыкальный текст на отдельные детали: это технический пассаж, это кусочек легато, это двойные ноты и т.д. В этот раз в скрипичном концерте Сибелиуса я услышала нечто целое, где все «трудности» принадлежат этому единому и цельному высказыванию.

Как же жаль, что из 4-х произведений этого концерта скрипка Страдивари звучала только в одном ... И “бис” был только один - Романс Генриха

Венявского... Кстати, о скрипке Страдивари. Перед концертом мне любопытно было послушать и почитать интервью Максима Венгерова нашим новозеландским медиа. Они спрашивали его о скрипке. Максим говорил, что скрипка живая и ей нужны условия для ее звучания. Вопрос был о том, что в Окленде большая влажность и не повлияет ли это на звучание скрипки Страдивари? На что Максим ответил, что ей нужно несколько дней и она адаптируется... Сидя в зале, я ощутила необычно высокую температуру воздуха. Такую «теплую» температуру я не припомню ни на одном концерте. Вот тут пришла мысль, что эта температура нужна этой скрипочке! Ну, как вы можете догадаться, только на последнем оркестровом произведении “Финляндия” температура воздуха в зале немного понизилась. Вот такая она “живая”! Сибелиус не мой композитор, но от услышанного я в полном восторге. Давно я не встречала такого зала. В нем в этот вечер царилла какая-то особенная

атмосфера. С самого начала оркестр Оклендской филармонии оказался в руках опытного дирижера, Окко Каму/ Okko Kamu, - оркестр под его управлением играл невероятно слаженно - одно наслаждение! А как могло быть иначе? Ян Сибелиус - финн и дирижировал финн. Такое единение «родственных» душ всегда чувствуется вдвойне и без сомнения передается слушателям. После концерта мы поспешили за кулисы. Естественно, слова благодарности, поздравления, естественно, фото на память. А рядом - мама Максима. Какая у него чудесная мама, Лариса Борисовна! У меня сложилось впечатление, что она была рада делиться своими воспоминаниями о прошлом и рассказывать о своей жизни и жизни Максима сейчас. А сколько знакомых на его выступлении встретили - действительно, мы счастливики, слушавшие выступление Маэстро-Мастера! Максим, мы благодарны вам за

праздник, который вы нам подарили.

Ольга Тарасенко, Окленд

PS. Небольшая справка от не попавшей на концерт. Максим Венгеров учился в музыкальной школе при Новосибирской консерватории в мастерской известного педагога Захара Брона. И когда симфонический оркестр Новосибирской филармонии давал концерты в Академгородке, с оркестром часто выступали юные скрипачи - Максим Венгеров и Вадим Репин. И каждый раз, объявляя их выступления, главный дирижёр оркестра, Арнольд Кац, обращался к слушателям и говорил: "Запомните имена этих юных скрипачей - это будущие мировые звёзды". Когда З.Брон переехал в Германию, он забрал с собой своих лучших учеников для продолжения их обучения... И звёзды состоялись...

КРАСОТА СВОИМИ РУКАМИ

А я эту красоту видела своими глазами. В зале Русской православной церкви, где разместилась персональная выставка работ Ирины Шуйской, меня встретила сама Ирина, она и стала моим гидом по выставке, а встреча с талантливым человеком всегда приятна. Интересно увидеть работы, созданные этим человеком, интересна и личность самого создателя.

Поэтому, прежде чем рассказать о своих впечатлениях, я хочу поделиться короткой информацией, взятой частично из размещенной в зале самим автором.

После окончания Архитектурного института в своем родном Новосибирске она работала там несколько лет архитектором, а затем, до самого отъезда в 1995 году из России, была художником-декоратором в местном ТЮЗе, где 2 спектакля были полностью оформлены по

ее эскизам. Уже здесь, в Новой Зеландии, она в 2005 году решила вернуться к активной творческой работе. И часть того, что она создала за это время, была представлена на выставке.

Первое, на чем сразу останавливается глаз, – это галерея семейных портретов, из которых половина - карандашные, а остальные написаны маслом. Портреты - это окно в большую и любимую семью Ирины. Все портреты родных людей

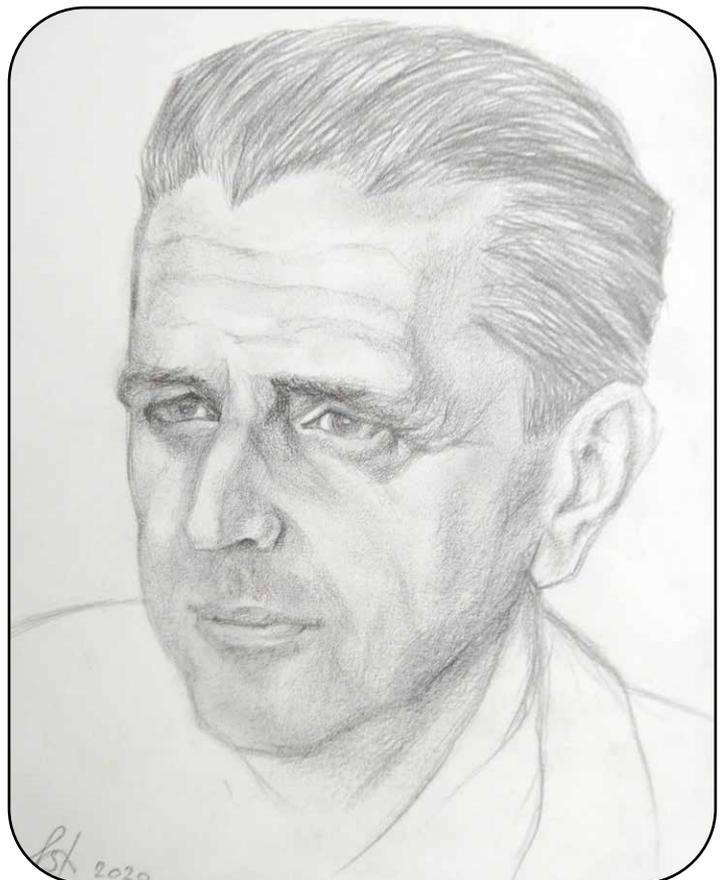
созданы с натуры и только портреты родителей создавались Ириной по памяти и с использованием фотографий, чтобы сохранить портретное сходство.

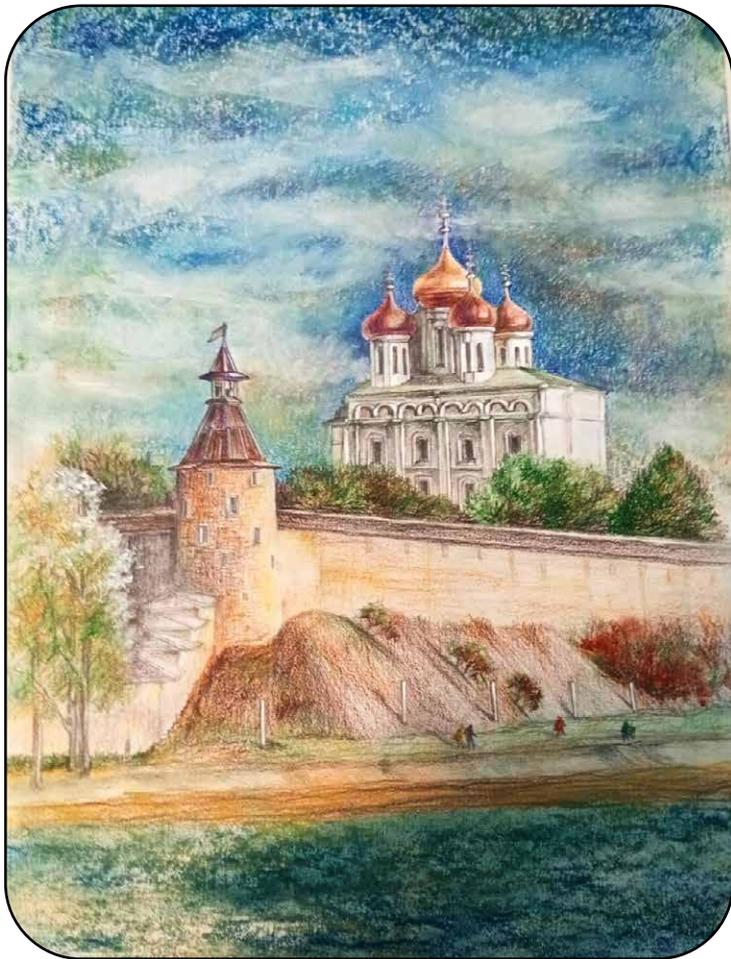
Во всех портретах видна рука профессионала. И это понятно. Как сказала Ирина, в институте, где она училась, много часов отводилось рисунку с натуры. Но большое впечатление портреты произвели на меня не только потому, что художник профессионально владеет и карандашом, и кистью - они притягивают взгляд, очень выразительными лицами, и каждый портрет показывает не только внешний облик, но также и внутренний мир, и характер изображенного человека.

Ирина говорила, что больше всего любит работать маслом, но будучи всеядным

художником, с удовольствием работает с акрилом, акварелью, темперой и пастелью... И все это она демонстрирует в своих картинах.

Отметила, что в ее творческой жизни, видимо, был цветочный период. Об этом говорят несколько работ, написанных акрилом, с яркими великолепными цветами. Каждый лепесток выписан с большой любовью... Картины завораживают и создают ощущение, что цветы источают аромат. Завершить цветочную тему можно натюрмортом, который мне очень приглянулся. Как и все цветы, он написан акрилом – цветочный горшок с красно-синими цветами. Этот натюрморт очень украсил выставку. Удивляет такое разнообразие жанров: портреты, натюрморты, пейзажи. А пейзажей несколько и написаны они разными видами красок – акрилом, пастелью и три акварельных. Мне понравились парковые пейзажи, отметила для себя также Храм Новосибирска и Псковской кремль.

Но и это еще не все. Как оказалось, Ирине также интересны и декоративно-прикладные виды искусства, например, плетение гобеленов. Их на выставке было немало. И хотя все они небольшие по размеру, поскольку у их создателя нет возможности дома иметь большой станок. Но, несмотря на размеры, все гобелены прекрасны! Орнаменты на них созданы фантазией автора по собственным эскизам. И они удивительно интересны, гармоничны - и по цветовой гамме, и по рисунку. Владеет Ирина и вышивкой. На выставке представлена очаровательная небольшая работа, выполненная гладью, а рисунок - плод фантазии Ирины.

Казалось бы, больше удивить посетителей не чем. Но это не так. При всем разнообразии экспонатов, большой манекен, одетый в роскошный русский боярский костюм 16-го века, сразу бросается в глаза. Боярский наряд из голубой парчи, сшитый Ирениными руками, на голове манекена

великолепный кокошник, украшенный жемчугом... Кстати, эта женская голова сделана из гипса самим автором.

Вот такая у меня получилась очень интересная и приятная прогулка по выставке Ирины Шуйской. Об искусстве и о своем творчестве Ирина говорит с большим вдохновением - это процесс непрерывный, и оно приходит за любимой работой. Творческих удач вам, Ирина, и новых выставок! Не расставайтесь с вдохновением...

Эльвира Тавлеева, Окленд

ДЖОЗЕФ И УДИВИТЕЛЬНЫЙ РАЗНОЦВЕТНЫЙ ПЛАЩ СНОВ

Не первый год я хожу на представления Национального молодёжного театра Новой Зеландии. В одном из номеров «Нашей Гавани» мы уже писали об этом театре, а сейчас я хочу рассказать об их новой постановке – это, во-первых, – напомнить о театре. Для кого-то это окажется новой и, надеюсь, полезной информацией в размышлениях о том, чем занять ребёнка и чем ему помочь, если это необходимо...

Поэтому немножко рекламы. Национальный молодежный театр Новой Зеландии - ведущий коллектив страны с программами обучения основам музыкального театра для молодых людей в возрасте от 7 лет до 21 года. Обучение исполнительскому искусству в театре открыто для всех без прослушиваний и включает различные мастер-классы, праздничные программы и две полномасштабные музыкальные театральные постановки каждый год. В этих постановках обязательно участвуют все студенты. А актерский состав обычно насчитывает до 250 человек. Профессиональные театральные педагоги в абсолютно благоприятной для социализации всех студентов атмосфере дают уникальную возможность каждому молодому артисту стать частью большого творческого коллектива и выступить в театральной постановке. Такой подход в обучении позволяет актерам укреплять уверенность в себе, развивать свои коммуникативные и языковые навыки, воображение, позволяет находить творческое решение проблем, улучшает их координацию и моторику, способность справляться со стрессом... Да и вообще совместная подготовка к выступлениям - это способ создания ощущения праздника и вдохновения... Это также и командная работа, которая развивает чувство гордости за достижения группы, способствует пониманию обязательств и

ответственности перед собой и другими... Такие программы меняют жизнь. Одни будут продолжать карьеру в театре, другие просто приобретут опыт, который позволит им счастливо взаимодействовать со своими сверстниками, одновременно развивая навыки для полноценной жизни, уверенно выходить на сцену...

Спектакли этого театра я посещаю практически ежегодно и не устаю удивляться тому, что вижу на сцене. А на сцене происходят каждый год новые события, каждый раз восхищая своей грандиозностью, яркостью и размахом.

В этом году я была зрителем популярного мюзикла «Джозеф и удивительный разноцветный плащ снов». Это вечная, вневременная, история Джозефа (Иосифа), молодого человека с замечательным разноцветным плащом снов. Мюзикл, созданный на слова Тима Райса и музыку Эндрю Ллойда Уэббера, в исполнении театрального коллектива получился очень ярким и энергичным. Такой необычный взгляд на историю Джозефа, его ревнивых братьев и его пути от трудностей к триумфу. Веселая семейная постановка, которая показала зрителям, как можно быть стойким, уметь прощать и идти за своей мечтой.

Каждый раз я ухожу с мюзикла этого театра, переполненная энергией и радостью. Запоминающиеся песни,

динамичная хореография и уникальное сочетание музыкальных стилей - такое шоу нравится всем. Не только мне. Оно популярно у зрителей любых возрастов уже на протяжении многих десятилетий...

А в заключение хочу добавить свои размышления как учителя со стажем.

Представьте себе застенчивого ребенка семи лет. Его приводят в этот театр в качестве участника будущих постановок. А процесс обучения в театре поставлен так, что каждый, застенчивый или не очень, должен на переключках себя

обязательно представить, рассказать что-нибудь о себе. В классах дети должны обязательно готовить выступления на заданные темы, а затем их озвучивать, уметь взаимодействовать со своими сверстниками, приобретая уникальный опыт социализации... Поэтому каждый может превратиться из застенчивого, спрятавшегося в глубине комнаты, в уверенно стоящего на сцене или оказавшегося в центре внимания... И такие изменения, я знаю, положительно влияют на всю его жизнь. Это ли не чудо?!

Виктория Мананова, Окленд

НАШЕ ИНТЕРВЬЮ

ПОЮЩАЯ УРАЛОЧКА

Впервые о Светлане Еремеевой, новом ярком имени в нашем музыкальном сообществе, я к своему стыду, узнала совсем недавно из материала, опубликованного в 124-м номере "Нашей Гавани". В заметке, рассказывающей о Вечере юмора, Светлане было посвящено всего несколько строк: "Светлана Еремеева исполнила три песни - это наша новая звезда. Потрясающий голос и репертуар! Светлана гастролеровала со своей группой в разных странах и сейчас живет в Окленде".

Очень интересно, но явно мало для представления Светланы читателям газеты. Обратилась к источникам информации в гугл и фейсбук и - БИНГО!

Оказывается, Светлана приехала в Новую Зеландию из моего родного Екатеринбурга и окончила Уральский Горный Университет, в котором я проработала

долгие годы. Стало еще интереснее, и желание рассказать о ней в газете усилилось.

Светлана согласилась ответить на мои вопросы, и в результате получилось это интервью. Хотя в некоторых местах я не удержалась от собственных “включений”, ведь речь идет о щемяще родных местах... Вопросы задавала Инна Баталова (**ИБ**), отвечала Светлана Еремеева (**СЕ**).

ИБ. Прежде всего мне хочется начать с того, что интересуют лично меня. Ну конечно, в первую очередь о вашем Екатеринбурге. Как долго вы жили в нашем городе, где учились?

СЕ. В Екатеринбург я переехала в 2000 году, так что считаю этот город своим родным. Там я провела всю свою сознательную жизнь. Училась в обычной муниципальной школе и сколько себя помню всегда серьезно занималась музыкой. Окончила Эстрадно-джазовое отделение в городской музыкальной школе им. Фролова.

ИБ. И еще раз БИНГО! - в свое время я окончила эту же, старейшую в городе, музыкальную школу. В те далекие годы она еще располагалась в “Доме на горке”. Эта та самая “Горка”, где на расстоянии каких-нибудь сотен метров друг от друга находились Дворец Харитонова, где происходит действие романа Мамина-Сибиряка “Приваловские миллионы”, и, тогда еще не снесенный, Дом инженера Ипатьева, в подвале которого была расстреляна семья последнего российского царя.

И еще: интересно, как бы отнеслись суровые педагоги моего времени к появлению эстрадно-джазового отделения

в их, таком традиционном, мире?

А в какие годы и на каком факультете вы учились в Горном университете?

СЕ. В УГГУ я поступила на бюджетное отделение в 2013 году - на геологический факультет, специальность “Стандартизация и метрология”. Музыкальная жизнь продолжалась и в университетские годы. В Горном университете в те годы существовал Творческий факультет, которым руководил заслуженный работник культуры РФ, Владимир Петрович Орлов. На этом факультете были эстрадное, хоровое, хореографическое отделения и даже духовой оркестр. Я бы хотела отдать дань уважения Владимиру Петровичу. Он собрал талантливых ребят, которые делали интересные благотворительные музыкальные проекты.

ИБ. Когда и по какой причине вы уехали из России? Какие воспоминания остались у вас о жизни и учебе на Урале, сохраняете ли какие-нибудь контакты?

СЕ. Из Екатеринбурга я уехала в сентябре 2023 году, это было долгожданное воссоединение с моим мужем, который начал учиться здесь, в Новой Зеландии, еще до коронавируса, разлучившего нас на долгие четыре года. В 2022 году причины уезжать из России стали еще весомей.

Поскольку я уехала относительно недавно, мои воспоминания находятся пока еще в категории тоски, а не ностальгии. Екатеринбург очень активный яркий город, притягивающий талантливых людей в разных сферах. И так как моя сфера - это образование и творчество, я успела познакомиться там с прекрасными педагогами и музыкантами, поучаствовать

в различных проектах и выступить, наверное, на всех концертных площадках своего города. Я сохраняю контакты с моей семьей, моими близкими подругами и друзьями-коллегам по инструментально-духовому бэнду Lollypop Loggy, с которыми мы до сих пор делаем музыку вместе.

ИБ. Расскажите, пожалуйста поподробней о вашем бэнде.

СЕ. Lollypop Loggy - уральский коллектив, чья музыка за рубежом пользуется БОльшей популярностью, чем на родине, а просмотры выступлений бэнда на нашем YouTube-канале исчисляются несколькими миллионами. Мы играем ямайскую музыку - это карибская смесь из ска, регги и джаза. Я не могу сдерживать себя и не откликаться на бурлящие ритмы и живые инструменты. Наш бэнд успешно выступает на разных площадках и записывает свои музыкальные композиции. Нас можно послушать на стриминговых платформах.

ИБ. В каких городах и странах вы побывали после отъезда из России?

СЕ. Если говорить о релокации - я впервые это сделала, переехав в Новую Зеландию. Но за последние два года я прожила некоторое время в Стамбуле и Мехико. Именно там мы смогли воссоединиться с ребятами из бэнда Lollypop Loggy, которых раскидало по разным материкам. Встретившись, мы смогли доделать альбом и поехать в тур. Мне очень нравится изучать разную музыкальную культуру и культурные традиции.

ИБ. Я понимаю, что самые большие достижения у вас еще впереди, но какие успехи уже имеются?

СЕ. Музыкой я занимаюсь, сколько себя помню. Еще малышкой я взяла микрофон в руки. Прошла большую школу конкурсов и фестивалей. Теперь выступаю только для зрителей, а не для судей. Что запомнилось - это моя победа в конкурсе Disney. Я рада, что смогла представить величайшую композицию 1937 года «Someday My Prince Will Come» и поучаствовать в клипе, ротация которого была на канале Disney Russia.

ИБ. Как складывалась ваша жизнь в

НЗ? Как состоялось ваше знакомство в Мариной Блум и ее творческим окружением? Как вы планируете сотрудничать с ними в дальнейшем?

СЕ. Я встретила с Мариной Блум в первый месяц моего приезда, и мы сразу начали общаться и сотрудничать. Очень понравилась поездка в Таурангу с хором “Унисон”. Сейчас я веду хоровые занятия вместе с Мариной Блум и Нелей Багрянцевой и выступаю с местными музыкальными коллективами на сценических площадках Окленда.

ИБ. Я слышала восторженные отзывы о вас как о педагоге. Как складывается ваша преподавательская деятельность в НЗ?

СЕ. Я даю частные уроки вокала, на

которых вместе с учениками разбираю не только различные вокальные техники, но и обсуждаю важность умения держаться на сцене (“энтертейминг”). Делюсь с учениками опытом того, как передать свою энергию и донести эмоции до зрителей-слушателей. Мне интересно заниматься с учениками разных возрастов (от 5 до 50 лет) и находить для каждого из них индивидуальный подход.

Я хочу, чтобы Новая Зеландия окончательно стала для меня вторым домом, где я также смогу реализоваться и делать интересные проекты с новыми людьми.

ИБ. Спасибо, Светлана, за интересный рассказ, желаю осуществления ваших планов и больших творческих успехов.

ОБРАЗОВАНИЕ

МЫСЛИ ВСЛУХ

Из дневниковых записей школьного учителя.

Продолжение. Начало читайте в №124.

И еще одна история о моем ученике из этой же группы. Ivan Ho. Он тоже занимался в моей группе со второго по восьмой класс. И все эти годы поражал своими интересами и увлечениями. Узнав, что я русская, он попросил показать, как пишется его имя на русском языке и как оно звучит. Спросил, какое моё полное имя и что означает среднее имя, отчество. Попросил написать его полное имя с отчеством по-русски и несколько раз послушал, как оно звучит – Иван Эрикович Хо (его папу звали Эрик). С тех пор у нас вошло в привычку при встрече называть его по имени отчеству на русском языке.

Перед продолжением рассказа об Иване небольшое отступление. Очень многие китайские родители отправляют своих детей для дополнительного изучения английского языка и математики в школу KUMON. Это образовательная сеть, базирующаяся в Японии и созданная

Тору Кумоном. Он разработал свой метод обучения математике и чтению (в первую очередь младших школьников), который используется в его школе. Далеко не всем подходит этот метод. Я заметила, что артистичные дети - условно я их называю «художники, музыканты, писатели», - не

выдерживают обучение в этой школе и быстро ее бросают. Сложно и много зубрежки.

В моей группе все ребята бросили посещать школу KUMON после первых лет обучения в ней, но не потому, что они творческие личности. Хотя все они занимались музыкой и играли на двух-трёх инструментах. Ребят напрягал в той школе метод зубрёжки, а им нужен был свободный полёт для бурлящих идей и мыслей. Как-то на уроке я спросила, кто из ребят посещает KUMON-школу, они состроили недовольные рожицы и дружно ответили, что это rubbish (мусор).

То есть, эта школа даёт хороший результат, но она подходит не всем. Трудно для каждого отдельно взятого ребёнка подобрать метод обучения, чтобы получить хороший результат.

Возвращаюсь к Ивану Эриковичу. Он

сам постоянно находил что-то новое для наших занятий, «раскапывал» интересные задачи или графические сайты... Мы переключались на его предложения. Помню, потратили много времени на построение таких трёхмерных графиков и фигур, чтобы они еще и вращались, и меняли формы и цвета. Это было интересно и красиво. Я их не торопила, «наиграются» и вернутся к нашим математическим проблемам.

В последний год своей работы в школе на свой день рождения я получила от этой группы замечательное поздравление. Его инициировал Иван Эрикович. Он написал поздравление на английском, а потом невероятно аккуратно переписал его на русском, и все оставили свои автографы. Текст на английском написан карандашом, в школе принято писать карандашом, но так как Иван Эрикович увлекался каллиграфией, то на русском языке он писал текст перьевой ручкой - очень старался. С удовольствием привожу оба текста.

Dear Victoria,

I would like to express my gratitude to you for taking time to teach us. Thank you for opening my mind to maths and all the concepts and theories. Every Monday, Thursday and Friday you come to class with a big smile and with so much energy. I hope you have a great birthday, and once again, I would like to thank you for all that you have done for us.
From Ivan Ho

Дорогая Виктория, я хотел бы выразить Вам признательность за то, что Вы нашли время, чтобы научить нас. Спасибо за то, что открыли мой разум для математики и всех концепций и теорий. Каждый понедельник, четверг и пятницу, Вы приходите на занятия

с широкой улыбкой и такой большой энергией. Я надеюсь, что у Вас отличный день рождения, и еще раз я хотел бы поблагодарить Вас за всё, что Вы сделали для нас.

Иван Эрикович

Сейчас все мои ребята из этой группы учатся в старшей школе, я очень надеюсь, что у них всё хорошо.

Виктория Мананова, Окленд

ОТКРЫВАЕМ НОВУЮ ЗЕЛАНДИЮ

ПРОГУЛКИ ПО БИБЛИОТЕКАМ

Как мне кажется, в нынешнее, технически продвинутое, время посещение библиотек происходит не слишком часто. По крайней мере, это про меня... Но так получилось, что с небольшим перерывом я побывала сразу в трех больших библиотеках страны. Увиденное меня воодушевило на написание этой заметки. Сразу хочу сказать, что, наверняка, большинство библиотек страны используют все современные компьютерно-цифровые возможности для взаимодействия и с читателями, и между собой (заказ, хранение, выдача и прием книг...). И я не об этом. Расскажу о деталях, на которые обратила внимание в каждой из библиотек, которые посетила. Конечно же, это мои субъективные впечатления, никоим образом не претендующие на обобщения.

Начну с новой, построенной после сильнейшего землетрясения, великолепной библиотеки в **Крайстчерче**, имеющей собственное имя - **Turanga**. Еще не заходя вовнутрь, уже восхищаешься огромным и очень красивым зданием. Внутри тоже красиво, уютно, и естественно, имеется все, что

должна иметь современная библиотека. Включая множество помещений и аудиторий, использующихся для образовательных целей. Но большой киноконцертный зал на втором этаже, в котором проводятся азные встречи и другие крупные мероприятия - это показалось круто.

Центральная библиотека в Окленде. На то она и центральная, чтобы

задавать тон в Большом Окленде. И размером, и возможностями, идущими в ногу с техническим прогрессом. Хотя из собственного опыта знаю, что районные библиотеки города тоже стараются не отставать... По крайней мере, от использования в работе разных коммуникационных достижений. Кстати, это безусловно касается и библиотеки Крайстчерча, что я для себя отметила и там.

И наконец, новая библиотека в **Гамильтоне**, тоже имеющая собственное имя - **Rototuna**. Конечно, своими размерами она не может сравниться с первыми двумя, о которых уже написано выше. Но поскольку ее построили в новом микрорайоне, то бросается в глаза использованный продуманный комплексный подход - превратить библиотеку и окружающую территорию в зону «спортивно-отдыхательную». И для детей, и для взрослых. Уже много чего построено, включая детские площадки и «тротуарные фонтаны». Решается, на каком из ближайших участков строить

открытый плавательный бассейн... Но я пишу все же о библиотеках. Как и в других, внутри **Rototuna** - современный интерьер, уютно и, уже можно сказать, привычно высокий уровень обслуживания. Хотя все же было чему удивиться и там. Отдельное помещение, где посетители могут увидеть, как работает 3D-Printer. На его передней панели изображение того, что в данный момент принтер печатает. А движущаяся в трех измерениях печатная головка (она же экструдер, из которого на принимающую поверхность выдавливается расплавленный пластик) слой за слоем создает нужное изделие. Все изделия, изготовленные в этот день, выставляются на специальных полках для обозрения. Попыталась собственными фотографиями (3 и 4) все сказанное подтвердить. Да, конечно их качество не сравнить с первыми двумя фотографиями (Крайстчерч и Окленд). И это понятно - они взяты из интернета, их делали профессионалы.

А еще я обратила внимание на одну интересную вещь в библиотеке **Rototuna**. Отметила, как ее персонал старается совместить игровой и образовательный процесс применительно к детям. Оказалась свидетелем и даже приняла участие в такой вот увлекательной игре. Желающие могут взять на библиотечной стойке лист, на котором напечатаны 30 цветных копий известных картин. И играющий должен во внушительных размеров помещении библиотеки отыскать каждую из этих копий, но уже большего размера. А они спрятаны в самых неожиданных местах (на стенах, книжных полках, разных стойках...). Конечно, в процессе поиска,

видеоряд запоминается. Потом ребенок что-то может и вспомнить из увиденного в детстве. Правда, я бы в эту игру добавила еще и краткую информацию о художнике и картине. Но понимаю, что такое дополнение сделать сложно - хотя бы потому, что играют дети разных возрастов и не все еще умеют читать...

Когда решила написать эту заметку, казалось, что много написать не получится - особо не о чем. Однако ошиблась... А на этом путешествие по библиотекам заканчиваю.

Римма Шкрабина, Окленд

ИСТОРИЯ ОДНОЙ БИБЛИОТЕКИ

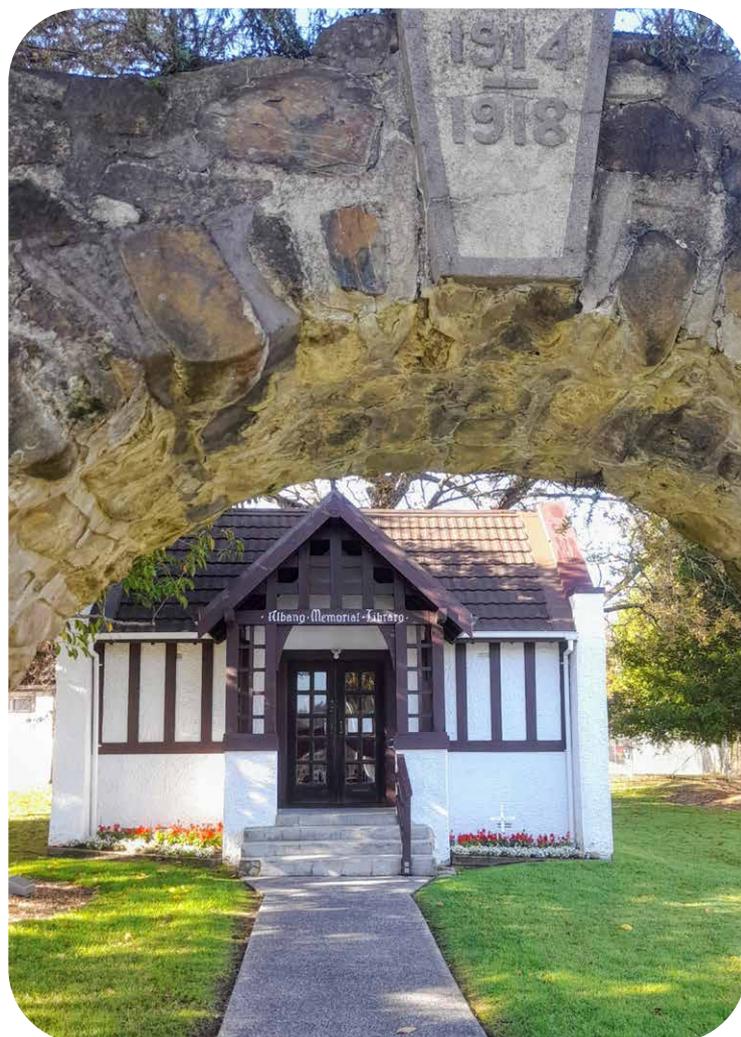
В 1919 году фермеры оклендского района Олбани/Albany решили увековечить память своих земляков, погибших во время Первой мировой войны, строительством Мемориальной библиотеки.

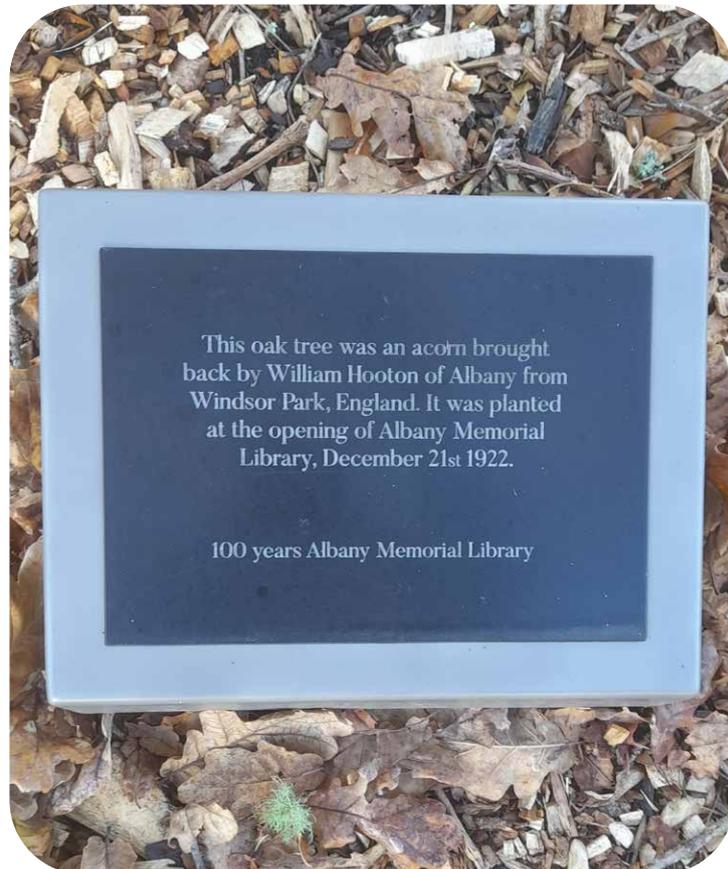
В одну из стен здания была вмонтирована памятная доска с именами ушедших на фронт, их было 77 мужчин. Почти треть из них - 23 человека - погибли.

Позже в интерьер была добавлена доска с именами погибших во Второй мировой войне - семь человек.

Открытый для посетителей в конце 1922-го по своему прямому назначению - как библиотека - мемориал использовался до 2004 года.

За библиотекой раскинул свои ветви вековой дуб. По происхождению - "англичанин", он пустил прочные корни в новозеландскую землю. Дерево выросло из желудя, который привез домой из своей поездки в Англию в начале 1920-х местный житель Вильям Хутон. Он подобрал желудь в Виндзорском парке, из этого

желудя вырос, теперь уже вековой, дуб, раскинувший свои ветви за библиотекой.

Фотографии автора.

Виктор Глумсков, Окленд

БУДЕМ ЗДОРОВЫ

ОТЕКИ: КОГДА ПРИПУХЛОСТЬ ВОКРУГ ГЛАЗ - ПОВОД ДЛЯ БЕСПОКОЙСТВА

От редакции. Светлана Стрельникова, врач, эксперт по диетологии Российского общества антивозрастной медицины, эксперт по функциональной диетологии, Registered Weight Management Coach NZ, рассказывает, почему отечность может быть опасным сигналом и как с этим бороться.

Отеки под глазами, или так называемые «мешки» в области вокруг глаз, многие воспринимают лишь как эстетическую проблему. Однако отеки - это тревожный звоночек, который указывает на внутренние нарушения в организме. Причем, зачастую серьезные. Разберемся, что может стоять за этим явлением.

Одна из основных причин - дисбаланс питания. Злоупотребление солью и сладостями приводит к задержке жидкости в тканях. Любители соленых и сладких блюд рискуют иметь постоянные отеки, особенно выраженные по утрам.

Кроме того, пищевая непереносимость,

будь то глютен, лактоза или бобовые, также может провоцировать отечность кожи вокруг глаз. Это может быть первым признаком ухудшения работы желудочно-кишечного тракта (ЖКТ) и развития аутоиммунных заболеваний.

В период менопаузы и гормонального дисбаланса часто происходит нарушение водно-солевого баланса. В этот непростой для женского организма период избыток жидкости задерживается, отчего появляются характерные «мешки» под глазами.

Однако особого внимания требуют отеки, вызванные скрытым воспалением на фоне хронических заболеваний. В таких случаях они сопровождаются слабостью, головными болями, болями в суставах. Из-за воспаления сосуды уплотняются, и вода плохо выводится из организма.

Как вы видите, три из пяти описанных причин отечности напрямую связаны

с питанием, а две другие требуют противовоспалительного рациона. Именно поэтому сбалансированное питание – первый шаг к избавлению от «мешков» под глазами, морщинок и других эстетических проблем, вызванных задержкой жидкости.

Уже сегодня вы можете обратить внимание на количество соли и сахара в своем рационе, особенно на ужин. Зачастую «невинные» сладости вроде яблока, мандарина или стакана кефира на ночь могут спровоцировать задержку жидкости и последующие отеки. В моих следующих публикациях я подробнее остановлюсь на принципах правильного питания не только для борьбы с отечностью, но и другими проблемами здоровья. Ведь все системы организма взаимосвязаны, и многие процессы можно скорректировать правильным подходом к еде.

**Светлана Стрельникова,
Крайстчерч**

Our Harbour

CULTURE

FOR LOVERS OF HUMOUR, MUSIC AND SONGS

Marina Bloom's humour nights are gaining momentum, attracting an ever-growing crowd of participants and spectators. Natalia Valentino, who experienced the event both as a participant and as a spectator, describes it as a resounding success.

A cozy restaurant in Auckland recently hosted the second concert show organised by Marina Bloom and her talented team. Over the past few years, their musical and humorous events have become incredibly popular among Russian-speaking audiences in Auckland and beyond.

This year, the team experimented with a new format, blending humour, music, and songs into a single evening of entertainment. The audience enthusiastically embraced this novel approach, enjoying opportunities for active participation. The format fostered friendly,

informal interactions, audience involvement in performances, and even dancing. This innovative concept allows performers full freedom for improvisation and creative exploration, making each show a unique experience.

The concert was absolutely fantastic! I'd like to acknowledge all the talented individuals who participated:

Marina Dolinskaya, our beloved jazz pianist, opened the evening with elegance. Viktor Mastakov delighted the audience with his renditions of bardic and humorous songs. A special mention goes to Natalia Nering for her hilarious sketch on deciphering long passwords. Alexandra Rozhnova captivated everyone with her heartfelt performances of original songs, prompting the audience to sing along.

Nina Moroz and Misha Shteiner delivered an

electrifying miniature that showcased their immense talent. Svetlana Eremeeva, our emerging star, impressed with her powerful voice and diverse repertoire, having previously toured South America before settling in Auckland. Marina Petrova added sparkle to the evening with her lively renditions of well-known songs, igniting a dancing frenzy among us all.

As a passionate rock music fan, I thoroughly enjoyed the performance of the new rock group Resident Band. Comprising three musicians from the Hit Pump crew, including the renowned and beloved vocalist and guitarist Kostya Sigachev, their performance was truly exceptional. Ilya Black took the spotlight that evening with his solo performance, delivering a level of quality typically seen at concerts by renowned rock stars. Bravo, Ilya!

Michelle Konen, already well-established and highly sought after by our audience, consistently brings new elements to her performances. On this occasion, she showcased her unique style and voice while singing two well-known songs, imbuing them with a distinct sound.

Our choir, Unison, which I am delighted to

sing with, also participated in the concert, marking the first anniversary of our group. We performed two songs, including my personal favourite composed by Marina Bloom, our director. Marina's leadership in rehearsals and classes brings us immense joy. If you have a passion for singing, enjoy improvisation and humour, we invite you to join us in Unison.

Towards the end, there was an exhilarating dance medley featuring our favourite songs performed by Neli Bagryantseva, Alexandra Rozhnova, Vasya Nesterenko, and Svetlana Eremeeva, prompting the entire hall to sing and dance along.

The evening held a delightful surprise: our talented presenter Yulechka White awarded a chocolate bunny to the best five-year-old dancer.

I want to highlight the warm and wonderful family atmosphere of the evening. Marina, thank you so much! We eagerly anticipate the next event, both as participants and as spectators.

*Photo Nadejda Mouravleva
Natalia Valentino, Auckland
(translated by Lena Naumova)*

**ЗАВЕРЕННЫЕ ПЕРЕВОДЫ:
РУССКИЙ, АНГЛИЙСКИЙ,
БЫСТРО И КАЧЕСТВЕННО**

ЕЛЕНА НАУМОВА

PH: (09) 521 5589; 021 112 1222

E: LENANTON@GMAIL.COM

Мы продолжаем печатать материалы нашего австралийского автора Владимира Крупника об истории участия новозеландских военных во Второй мировой войне. На этот раз публикуем его материал с сокращениями. Полностью статью читайте на сайте www.warsstory.org

НОВОЗЕЛАНДЦЫ РАССКАЗЫВАЮТ О БОЯХ ЗА КРИТ

Сражение за Крит (нем. – Luftlandeschlacht um Kreta), получившее кодовое наименование операция Merkur, было крупнейшей за все годы ВМВ воздушно-десантной операцией, предпринятой германским командованием. Она началась 20 мая 1941 года с высадки немецких парашютистов на нескольких участках западной части острова Крит.

Остров обороняли части войск Британского Содружества, включая новозеландцев, и греческих вооруженных сил, в его обороне приняло участие и гражданское население. В первый день операции немцы понесли тяжелые потери, но уже на следующий день из-за проблем со связью у союзников и нерешительности их командования, а также благодаря своим решительным и агрессивным действиям сумели занять аэродром Малеме/Maleme, что дало им возможность перебросить на остров подкрепления и взять вверх. Главные силы союзников отступили на юг, и больше половины из них были эвакуированы Королевским ВМФ. Остальные сдались в плен или присоединились к партизанам. Сомнения в том, что союзникам удастся отстоять Крит, присутствовали у командования силами Британского Содружества на острове еще до вторжения...

ПЕРЕД ВТОРЖЕНИЕМ

Генерал Бернард Фрейберг (Bernard Cyril Freyberg), командующий

гарнизона острова, вспоминал после войны: *Людям нужно было дать понять, насколько напряженной является ситуация, в таком ключе, чтобы это подготовило их к битве, которая вот-вот должна была начаться. В то же время было важным не говорить того, чтоб могло бы раскрыть мои тягостные сомнения в отношении нашей способности удержать Крит. Всего пять человек на Крите в то время знали о том, насколько сложным было наше положение. Кроме меня это были генерал Вестон (Eric Weston, 1888-1950); мой начальник штаба, бригадир-генерал Стюарт (Stewart); мой личный помощник, капитан Джон Уйам (John White), который набирал мои радиogramмы; и офицер-шифровальщик... Эти люди умели хранить секреты и держать свои сомнения при себе. Я надеюсь, что я вел себя по-солдатски и, внешне, выглядел как человек, который полностью уверен в себе в сложившейся ситуации.*

Схематическая карта боевых действий на Крите

Джеффри Кокс (Geoffrey Cox), капитан, служивший в разведотделе Фрейберга, вспоминал: Бригадир Харгест (James Hargest, 1891 – 12.08.1944, на фото справа, погиб в Нормандии) высказался накануне вторжения немцев: «Я не знаю, что ждет нас впереди. Я только знаю, что это вселяет в меня чувство, с которым я раньше на войне не сталкивался. Это не

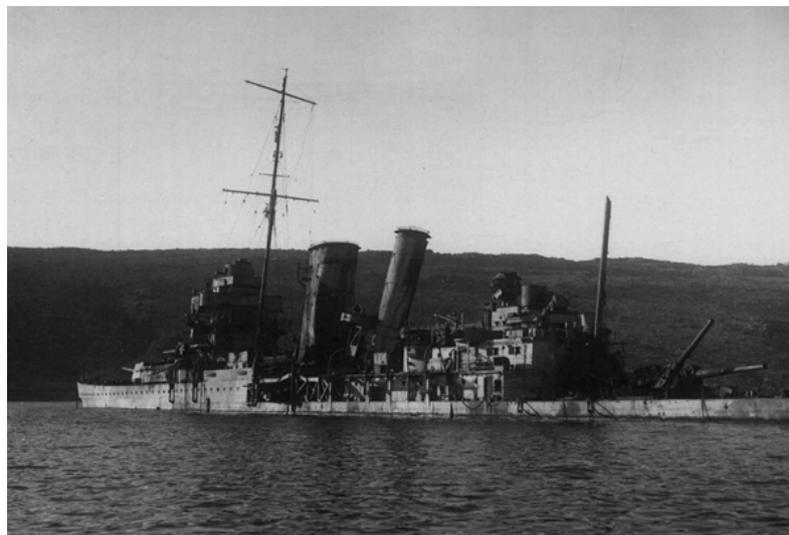
страх. Это что-то совсем другое, что-то, что я могу охарактеризовать как ужас.» Мне не нужно было спрашивать его, о чем он говорит. Я точно знал, что он имеет в виду. Это была реакция мыслящего человека, человека, храбрость которого была доказана [в прошлом], на экстраординарный феномен того периода войны, на мистику, на тайну, которые и в самом деле, казалось, окружали тот умопомрачительный успех немцев на полях сражений. Мы стояли на пути военной машины, которая смела Польшу в считанные дни и разгромила Францию, находившийся в ней Британский Экспедиционный Корпус, Бельгию, Голландию в считанные недели. Королевские ВВС и ВМФ остановили ее над водами Ла-Манша, но она повернула на юго-восток и пронеслась через Югославию и Грецию, словно лавина. В Западной Пустыне совсем немного немецких танков и ранее малоизвестный генерал по имени Эрвин Роммель (Erwin Rommel) понадобились для того, чтобы нанести поражение Британской Армии, которая за три месяца для этого разгромила итальянцев. Теперь, в этот вечер, за золотисто-голубым горизонтом эти же, казалось, неукротимые силы снова

концентрировались, чтобы обрушиться на нас.

Джордж Артур Браун (George Arthur Brown), лейтенант из 20-го Батальона, в конце апреля 1941 года оказался в заливе Суда на борту эсминца *Kimberley*, когда остров начали прибывать части, эвакуированные из Греции. Первое, что он увидел, были... мачта и труба крейсера *York*, потопленного немцами в заливе Суда. Полковник стоял на причале со своим адъютантом и полковым главным сержантом (*Regimental Sergeant Major*). Мы, офицеры, собрались вместе и позавтракали. Людям приказали собраться в определенном месте – туда вела единственная дорога. «Не торопитесь,» - сказал полковник. Это означало, что парням было разрешено заглянуть в бары. Я отправился в выбранный мною уголок, туда, где росли деревья и тек ручей, разделся, постирался, разложил свою форму для просушки, потом снова одел. У нас не было инструмента для

рытья окопов, но мы сменяли батальон Валлийского/*Welsh* Полка, который провел на острове шесть месяцев и оставил незаконченные траншеи.

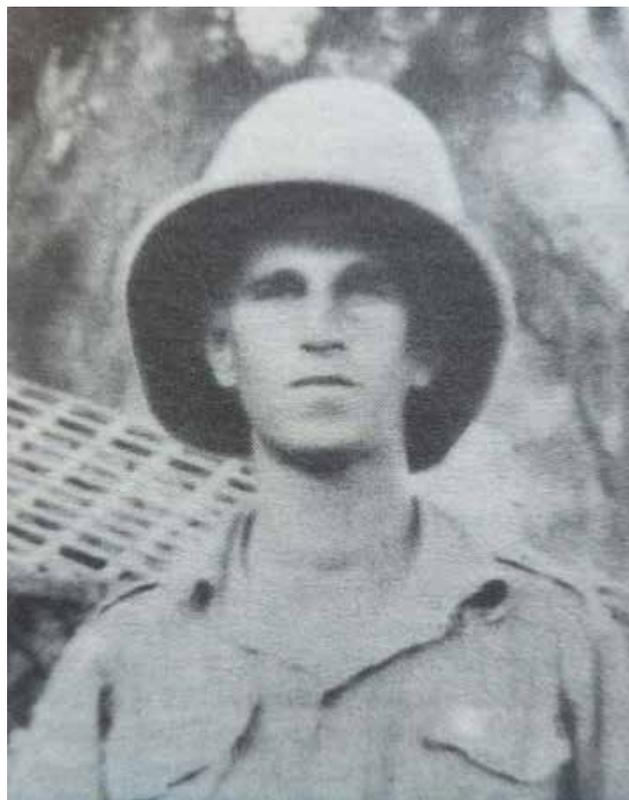
Крейсер *York*, потопленный в заливе Суда. Он был поврежден итальянскими подрывными катерами 26 марта 1941 года, а 18 мая получил тяжелые повреждения в результате атаки немецких бомбардировщиков. 22 мая его орудия главного калибра были взорваны британцами...

Мы стали окапываться дальше и рыли тем, что смогли найти. Из кормежки у нас были только консервированные мясо и овощи. Я как-то отобрал пару ребят и сказал им: «Мы отправимся в Ханью/*Xaniá* и посмотрим, нельзя ли там раздобыть какой-нибудь еды.» Пошли туда, купили, что было доступно, и один из парней сказал мне: «Сэр, вы не против того, чтобы отправиться назад без нас?» Я ответил: «Это почему?», и они сказали: «Ну, скоро начнутся бои, и мы хотели бы заглянуть в бордель.» Я отпустил их, один из них не вернулся: его убили... Мы были в расположении штаба Дивизии, когда начался настоящий авианалет. На острове была всего пара Харрикейнов/*Hurricane*, которые иногда сбивали случайные немецкие

самолеты, но долго они не протянули. Немцы сконцентрировали свои усилия на береговых объектах в заливе Суда: в нем был единственный порт, через который к нам прибывали грузы. Небо затянул плотный черный дым от горящих нефтехранилищ...

Рекс Томпсон (Rex Thompson), водитель из Корпуса Армейского Обслуживания/Army Service Corps: На Крите было какое-то количество автомашин, не очень много, и это было все. Они должны были снабжать аэродром Малеме и батальоны, окопавшиеся вокруг него. Немцы время от времени бомбили Ханью, главный город в окрестностях. Дело было, должно быть, 14 или 15 мая, когда они навалились по-настоящему и бомбили целый день. Они бомбили город и гавань, но несмотря на шум и пыль наши потери были незначительными.

Брюс Смит (Bruce Smith), 25-я Артиллерийская Батарея: В заливе Суда было много судов, которые немцы бомбили часто и, в реальности, неэффективно. Мы сошли на берег, и нам приказали отойти на какое-то расстояние от залива, туда, где было место приема [прибывающих войск]. Там нам дали какую-то простенькую еду, консервированную говядину и галеты, и сказали найти себе место для ночлега. Вещей у нас собой не было, было только то, что на нас. У некоторых имелись шинели, у других их не было, но, по счастью, погода не была настолько холодной. Утром нас построили, и те из нас, у кого были винтовки, были отделены от остальных, собраны в группы по 8-12 человек, обычно с шестью винтовками на каждую группу. Командовать нами назначили бомбардира (звание, эквивалентное званию младшего

капрала, но находящегося в резерве – ВК), нам приказали маршировать дальше на юг, пока нас не нагонит вестовой или проводник, который отведет нас на участок, который мы должны будем оборонять. Мы шли весь день и часть ночи, после чего добрались до небольшого оврага, расположенного недалеко от моря, в котором нам сказали располагаться лагерем. 4-5 артиллеристов должны были стоять в карауле с винтовками под рукой, меняя друг друга каждые четыре часа. Предполагалось, что мы будем ждать вторжения с моря или с неба, и так продолжалось три или четыре дня. Ничего особенного не происходило, разве что кто-то приехал на раздолбанной машине и дал нам немного побольше продуктов и воды...

Ричард Кин (Richard Kean), сержант-артиллерист, также прибыл в залив Суда: Нам приказали маршировать по дороге, и каждый раз, когда мы останавливались и спрашивали: «Как далеко нам еще идти?», нам говорили: «О, осталась лишь пара миль.» В итоге, нам сказали, что лагеря еще 10 миль. Ну, прошли мы

10 миль и остановились. Было довольно холодно, но я сумел раздобыть одеяло, а еще один малый – плащ-палатку. Мы выкопали штыком окопчик, забрались в него, постелили плащ-палатку на землю, накрылись одеялом и заснули. Так мы жили какое-то время, потом дела пошли получше: нам стали давать побольше еды, потом нас рассортировали, и мы оказались вместе с вооруженными парнями, остающимися на острове, - это были ребята с винтовками, у меня был револьвер калибра .45, так что меня классифицировали как вооруженного военнослужащего. Из нас сделали пехоту, и я стал старшим сержантом роты (Company Sergeant Major) с четырьмя отделениями под началом. В отделения входили пехотинцы, водители и артиллеристы, у которых нашлись винтовки, и парни из Корпуса Армейского Обслуживания. Мы перемещались туда-сюда, тянули провода, старались сделать что-нибудь полезное. Я подружился с владельцем гостиницы в деревне Галатас/Galatos. Вставали мы в 5 утра, грелись стопками случайной выпивки.

Александр Роджерс (Alexander Rogers), сапер: У нас не было боеприпасов, не было оружия, ничего вообще не было. Со временем мы умудрились подобрать себе случайные винтовки со случайными боеприпасами, кто-то нашел даже пулеметы. Артиллерийские позиции были недалеко от нас. Мы располагались в районе [аэродрома] Малеме.

Кит Ньют (Keith Newth), капрал-связист, после долгого марша присоединился к 20-му Батальону, стоявшему лагерем: Я нашел оборудование для связи, мы окопались и разместились. Потом, с рассветом и еще час после него мы все были во вниманиши, ожидая парашютистов, которые, как мы знали, могли появиться в любую минуту. Полковник Киппенбергер (Howard Kippenberger), командир 20-го Батальона) послал кого-то в Египет, чтобы там побеспокоились о том, как нас развлечь, прислали игральные карты и т.д. Из Каира к нам отправили новозеландский оркестр. Эти парни как-то в воскресенье давали концерт после полудня, и тут неожиданно появилась группа самолетов. Мы подумали было, что это наши, но в следующую минуту они начали с воем пикировать на нас. Это была эскадрилья

Штук. Можете себе представить: музыкальные инструменты полетели в одну сторону, а эти парни в другую. Так мы в первый раз ощутили вкус того, что значит быть целью для этих Штук с сиренами на борту. Слышать этот вой было ужасно. Потом мы отправились в наш основной лагерь в Галатасе, который был довольно большой деревней. Там я разместил свою станцию связи, а Киппи занял самый большой дом в деревне. Это было большое белое здание, так что в нем он и разместил свой штаб. Помню, что в подвале этого здания стали 20 или 30 здоровенных винных бочек, в каждой литров по 600-700, по меньшей мере. Ну, некоторые парни испытывали повышенную тягу к вину, так что Киппи приказал все их пробить, чтобы из них все вытекло. С нашей точки зрения, это было кощунством, но, само собой, сделать это было необходимо.

Ханья после немецких бомбардировок

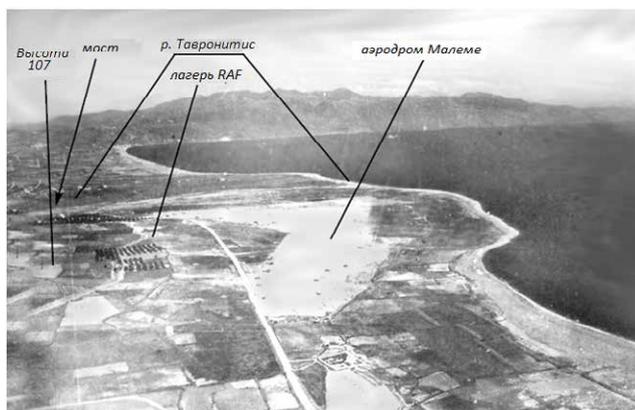
ВТОРЖЕНИЕ

Непосредственно перед вторжением немецкая авиация атаковала район аэродрома Малеме. Расчеты зениток Бофорс/Vofors, осмелившиеся открыть огонь, были загнаны в укрытия жесточайшей и непрерывной бомбежкой и обстрелами.

Вспоминает майор **Хауэлл** (squadron leader **Howell**): *Земля под нами ходила ходуном словно желе. Наши глаза и рты были забиты песком, нас трясло до такой степени, что стали шататься зубы, и мы уже едва могли что-то разглядеть. Вокруг нас падали комья земли, стенки траншей рушились. Мы потеряли счет времени...*

Лесли Эндрю (Leslie Andrew, 1897-1969, подполковник командир 22-го Батальона) написал в своем рапорте: *Эта бомбардировка была наиболее интенсивной, а размер бомб был таким, что артобстрелы на Сомме в 1916 году, на [возвышенности] Мессин в 1917-м и при Пашендале были [по сравнению с этим] просто пикником. Я не хотел бы испытать что-то похожее еще раз... На район*

аэродрома было сброшено около 3 000 бомб, которые уничтожили все линии связи. В рапорте 22-го Батальона говорилось следующее: «Люди были ослеплены и потеряли дар речи, кровь у них шла из ртов и ушей.» 20 мая, после интенсивной бомбежки, немцы приступили к высадке воздушного десанта на парашютах и планерах близ Малеме.

Сверху – вид на аэродром Малеме с востока на запад; снизу – карта местности с участками размещения новозеландских частей

Вспоминает **Джордж Браун**: Утро вторжения. Мы только что закончили завтрак, думаю, я собирался побриться, когда появились первые бомбардировщики. Мы понесли кое-какие потери. Потом мы заняли позиции, но в нашем секторе не было парашютистов: они сконцентрировали свои усилия в районе аэродрома Малеме. На острове было три аэродрома. Дальше к востоку за еще двумя присматривали австралийцы, а наше задачей, главным образом, новозеландцев,

была оборона Малеме. Вокруг аэродрома занимала позиции наша 5-я Бригада, но нужно помнить, что у нас не было трех полных бригад, - у нас их было только две, а остальные силы отправились напрямик из Греции в Египет. Генерал сформировал сводные батальоны из критян, греков, с бору по сосенке. Мы лишились нашего ротного командира и его заместителя. Ротный ушел командовать сводным батальоном греков и позднее погиб, а его зам стал командовать другой ротой нашего батальона.

Наступило момент, когда нам приказали контратаковать аэродром Малеме. Там был такой участок - речная долина к западу от аэродрома, который, по сути дела, никто не оборонял, и немцы приземлили там планеры и сбросили на него парашютистов. Полагаю, там случилось жуткое побоище. Нам должны были заменить в дивизионном резерве батальоном австралийцев, но они, однако, прибыли с опозданием, при этом имелся приказ генерала Фрейберга о том, что мы не должны сниматься с места, пока нас не заменят. В море мы видели вспышки орудийных выстрелов и лучи прожекторов и знали, что наш флот разбирается с морским десантом, присланным немцами, и что Фрейберг опасается его высадки и атаки на позиции Дивизии, так что мы должны были оставаться на месте. Позднее, уже в лагере для военнопленных, я разговаривал с полковником об австралийском батальоне, и он утверждал, что тот попал под бомбежку на пути к нам (это при том, что ночью немцы не бомбили) и что по прибытии в Ханью австралийцы заблудились. Я не помню, когда они начали подходить нам на смену, но помню, что опоздание

измерялось в часах. Наш полковник, Джим Барроуз (Jim Burrows), проигнорировал инструкции Фрейберга и отправил на стартовый рубеж для атаки две роты. Туда вела одна дорога, она была забита гражданскими лицами и возвращавшимися в тыл ранеными. В нашей роте было трое офицеров: Денвер Фаунтен (Denver Fountain) командовал взводом (он же исполнял обязанности комроты), я командовал взводом (и исполнял обязанности замкомроты), 3-м Взводом командовал Чарли Апэм (Charles Upham, 1908-1994, на фото слева, награжден Крестом Виктории за храбрость, проявленную на Крите и в северной Африке). Денвер пошел к бригадиру Харгесту, в штаб 5-й Бригады. Я подождал его, а когда он появился, спросил: «Что происходит?» Он ответил: «Джордж, ты знаешь столько же, сколько и я». Итак, мы заняли позиции на стартовом рубеже. Должно быть, немцы знали, что мы там: они вели по нам очень плотный пулеметный огонь, но с криками мы ринулись вперед, продвинулись далеко вперед и уничтожили их пулеметное

гнездо. К этому времени рассвело, над головой были немецкие бомбардировщики, там же были их истребители, и они дали нам шороху. Думаю, мы вышли к краю аэродрома, и я был ранен и вышел из игры. Комья грязи летели во все стороны, а я лежал на земле. Думаю, я сам перевязал себе колено, тут появились Чарли Апэм и его водитель Паттерсон (Patterson). Я сказал им убираться куда подальше, опасаясь, что и их зацепит, но они ушли, а потом притащили дверь какого-то разрушенного здания и положили меня на нее. Потом пришли еще парни, и они оттащили меня в безопасное место. Я оказался на перевязочном пункте 23-го Батальона, там находились падре Гриффитс (Griffiths) и доктор, капитан Рон Стюарт (Ron Stewart).

Там у них было несколько раненых немцев, способных ходить. Меня и еще одного парня разместили в русле сухого ручья глубиной 10-12 футов – медики вырыли в его бортах ниши, в которые положили меня и одного парня из Роты В, у которого было ранение в грудь. Утром что-то пришел и заговорил с ним, он поднялся, и я спросил: «Что происходит?» Тот ответил: «Не имею права говорить вам.» Тут появился падре и сказал: «Что ж, идет эвакуация, мы отступаем, и ходячие раненые должны сами выбираться отсюда.» Ну, я сказал, чтобы мне дали трость, но тут же свалился. Потом, когда наши части ушли, и мы попали под минометный огонь немцев, раненый немец, взобрался на верхнюю бровку долины и стал размахивать белым флагом. Минометный обстрел закончился, и нас взяли в плен. Я все еще лежал на двери – меня вытащили на солнце. Не думаю, что у нас оставались какая-нибудь еда или вода. Потом нас перетащили на полковой

перевязочный пункт, находившийся на краю аэродрома... Там меня заново перевязали и вынесли из здания, все еще на той самой двери...

Новозеландцы на Крите на оборонительной позиции

Не помню, сколько времени мы провели там. Потом прошел слух, что нас должны отвезти в аэропорт, чтобы оттуда доставить в Афины, и я сказал: «Оставьте меня здесь и заберите других.» Они на это согласились, и тут появилась пара бомбардировщиков Бленхейм/Blenheim, которые хорошо отбомбились по аэродрому. Через день или около того пришла моя очередь и тех, кто пока оставался здесь. Я все еще лежал на двери, на самой жаре, когда подошел немецкий офицер, увидел мои знаки различия, дал мне сигарету и зажег ее. Я выкурил половину, когда он приказал загрузить нас на борт самолета, отбывавшего в Афины...

Британцы сдаются в плен. Крит, 1941

Кит Ньют: Мы были в боевой готовности каждое утро, пока в небе не появились Ju-52 со своими парашютистами. Многие из них тащили за собой один или два планера. Мы находились на склоне холма и наблюдали за ними, много немецких парней было убито тогда, когда они спускались на землю. Были планеры, которые грохнулись в оливковые рощи, немало людей при этом погибло, но очень многие из немцев выжили. Потом они заняли дно долины – участки, где приземлялись. В этой долине находилась тюрьма, и первым делом они открыли ее двери и выпустили заключенных на волю. Мы сделали все возможное, чтобы остановить немцев, но они превосходили нас в численности, и из-за этого они одолели нас в Галатасе, в результате чего нам пришлось оставить деревню. Затем мы стали отступать к Ханье – эти события я никогда не забуду. Мы оказались вместе с батальоном маори, командовал нами капитан Лав (Love). Джерри (одна из распространенных кличек немцев – ВК) заняли позицию вдоль длинной полосы, а за оградой расположились их пулеметчики. Маори пошли в штыковую атаку со своими воинственными криками, смяли немцев

и перебили их. Мы шли вслед за ними и набрали на одного паренька-маори. Его грудь была разворочена, было видно, как работают его легкие. Его товарищи не хотели бросать его. У него не было шансов на выживание, но они не ушли, пока он не умер.

Группы парашютистов приземлялись на участке, контролируемом 28-м Батальоном (Маори) в 2-3 милях восточнее Малеме. **Капитан Турейя (Tureia)** получил приказ атаковать их силами двух взводов из Роты D.

Из истории батальона: К моменту, когда они подошли на 500-600 ярдов к цели, над участком плотно зависли несколько самолетов, которые делали круги и обстреливали [новозеландцев], но маори продолжали вести огонь и продвигаться так, как они практиковались в Англии. Немцы были разбиты на двойки и тройки, и после того, как семь или восемь из них были убиты, двое офицеров и восемь рядовых сдались в плен. Маори потеряли двоих легко ранеными и были довольны тем, ... что им удалось отомстить за своих, убитых в Греции.

Десантники на парашютах и планерах высадились и в 4-5 милях восточнее Малеме, в Тюремной Долине/Prison Val-

ley (см. карту на врезке слева). Из письма подполковника **Джона Грея (John Gray)**, на фото справа, погиб 5 июля 1942 года в Ливии), командира 18-го Батальона:

Я увидел парашютиста, повисшего на дереве, и заметил какое-то движение слева от него. Быстро выстрелил в него из своей винтовки: у каждого офицера в батальоне была винтовка. Потом, продвигаясь вперед очень тихо, но быстро к парашюту, я оглянулся, и увидел гунна (hip – одна из распространенных кличек немцев – ВК), лежавшего на земле рядом с раскрашенным в веселые тона контейнером, прикрепленным к парашюту. Немец сдвинулся с места, и я сразу пристрелил его, после чего осторожно пошел вперед от укрытия к укрытию.

Я выстрелил в еще одного, прятавшегося за деревом, и ранил его. Он был сильно испуган, но я сказал ему, чтобы он лежал тихо и что за ним присмотрят. Забрал у него пистолет и отдал его Дикку Филлипсу (Dick Phillips), который шел

сразу правее меня. Как только я отдал его ему, ему прострелили колено. Двое гуннов ярдах в 30 от меня прятались за деревом и вели по нам обоим огонь. Два точных выстрела уложили их обоих. Вокруг свистело множество пуль, но времени на то, чтобы беспокоиться об этом, не было. Я увидел Джорджа Эндрюса (George Andrews), сидевшего на земле и целившегося в какие-то кактусовые заросли позади нас. «Осторожнее, Джордж, - сказал ему я, - ты так можешь попасть в одного из наших парней.» - «Ни черта, бояться нечего, это гунн, - сказал он и выстрелил. - Готово...».

Согласно Журналу Боевых Действий батальона, к 10 утра его участок был зачищен от противника: «Убитые парашютисты были повсюду: некоторые все в ремнях, свисая в диковинных позах с оливковых деревьев...» Водитель **Билл Карсон (Bill Carson)** рассказывает о том, что отбирали у пленных: У нашего первого военнопленного был пистолет и три гранаты, когда он приземлился. Они выбирались из-под парашютов с молниеносной скоростью. В их флягах был очень крепкий кофе. У каждого из них были [пищевые] рационы на два дня, в них входила колбаса, хлеб в обертке, который был весьма свежим, сухофрукты и две плитки молочного шоколада. У каждого было по два кубика допинга, вероятно, что-то вроде витаминного концентрата, и, попробовав эту штуку, наши парни очень и очень взбодрились...

Стэн Джонсон (Stan Johnson), командир Роты С 22-го Батальона: У нас было полно оружия в отличие от того, что вы можете иногда услышать. Мы располагали пулеметами, снятыми с крыльев самолетов и установленными на

сошки вокруг аэродрома, и много, очень много боеприпасов. Именно поэтому новозеландцы убили столь много немцев. С нашими пистолетами мы бы этого не смогли сделать. Мы не были достаточно сильны по сравнению с немцами, когда отступали из Греции – они были очень мощными в то время, но и мы хорошо себя зарекомендовали. Мы не считали, что были проигравшей стороной. Малем было превосходным шоу.

Стэнли Джервис (Stanley Jervis), лейтенант, Добровольческий Резерв Королевского Флота/Royal Naval Volunteer Reserve – RNVR. Проходил службу на эскортном корабле: Мы были в патруле совсем недалеко от Ханьи и при дневном свете наблюдали за тем, как протекает

вторжение. Это было довольно захватывающее зрелище, поскольку утро было тихим, и, казалось, все небо было заполнено разноцветными шарами – это были парашюты. Они раскрашивали всевозможными цветами парашюты, используемые для разных целей: различные цвета обозначали разные виды боеприпасов, провианта и всего прочего... Мы заняли боевые посты, потому поступило сообщение о приближении самолетов. Я стоял, управлял кораблем и спросил у моряка: «Сколько всего самолетов?» Он глянул через плечо и ответил: «Четыре.» Мы повернули в их сторону, чтобы открыть огонь, и тогда самолеты отвернули. В тот момент стало очевидно, что происходит что-то еще и мы им неинтересны. Затем ко мне подошел связист и сказал: «Сэр, я потерял им счет – дошел до 261.» Тогда мы продолжили свой патруль...

Рекс Томпсон вспоминает, как после новых бомбежек небо заполнили

самолеты, тянущие за собою планеры: Они [планеры] были на буксире, иногда по нескольку за каждым самолетом. Они спускались довольно бесшумно и приземлялись, но с ними разбирались довольно решительно, если только пилотам не удавалось увернуться [от огня] или сесть где-нибудь подальше. А потом появились парашютисты: они сидели в Ju-52, где-то по 30 человек в каждом самолете. Они выпрыгивали на очень, очень малой высоте, вероятно, до земли было 100-150 футов. У довольно многих из них парашюты запутывались в хвостовом оперении, после чего они зависали, а остальные оказывались под огнем и представляли из себя сидящих уток в течение тех 10-12 секунд, которые они находились в воздухе.

Британцы по прибытии с Крита в Александрию...

В районе аэродрома Малеме у наших парней были пушки Бофорс и другая артиллерия, и из-за их огня у немцев началась полная неразбериха. В итоге, немецкие летчики стали сажать свои машины вдоль пляжа, сажать на брюхо, но со временем они высадили десант ценой

потери около 200 самолетов. Далее одно следовало из другого, становилось все горячее, и нам пришлось отступить. Наши дела после шести дней боев пошли плохо. Не забывайте, мы были небоевой частью, и, пока шли бои, мы пытались подвозить грузы сражающимся, но, по сути дела, их почти не было. Нас отправили вверх по долине, на участок между аэродромом и Ханьей, думаю, нас было человек 60 и при себе всего пара штыков. По счастью, мы ни на кого не наткнулись...

Брюс Смит. Когда начали приземляться парашютисты, Смит был не на посту: Оружия у меня не было, так что пятеро или шестеро таких как я или не входивших в пушечные расчеты получили приказ отправляться туда, откуда пришли, что мы и сделали. Думаю, у нас это заняло пару дней. Не имея провианта, мы сильно ослабли, и силы наши были на исходе. Так или иначе, мы добрались до залива Суда. Там мы проболтались еще пару дней, нас бомбили и обстреливали самолеты, а потом в поздние послеполуденные часы нам сказали подготовиться к посадке на судно, которое должно подойти к одному из причалов. Так оно и случилось, и мы оказались на борту норвежского лесовоза, который назывался *Belray*. Мы все находились на палубе: на нем не было кают или каких-нибудь жилых помещений. Мы перешли на западную сторону залива Суда, и стоянка там оказалась спокойной. Все это время находившиеся там суда были под бомбами и обстрелом с воздуха, но нас никто не тронул, и мы так и не поняли почему... Нам сказали, что вечером атаки воздуха, вероятно, прекратятся: немцы не очень любили работать по ночам. Наступила темнота, наше судно подняло якорь, и мы взяли курс на Александрию...

Ричард Кин: Утром высадились парашютисты. Это было грандиозное, но при этом довольно жуткое зрелище. Оно напомнило мне сезон охоты на уток... Мы сумели перестрелять многих из них, пока они спускались на землю, но их было слишком много. Потом мы разбились на два отделения, и лейтенант Джон Дилл (*John Dill*), племянник генерала [Джона Дилла](#) и отличный парень, взяли под команду по одному из них и приступили к патрулированию местных оврагов и оливковых рощ, намереваясь отловить оказавшихся рядом парашютистов. Позднее я перевел свое отделение через дорогу – тюремную дорогу, ведущую от находившейся в долине тюрьмы к деревне Галатас. По одну сторону дороги стояло множество пчелиных ульев, а подальше, напротив них, находился [вражеский] пулемет, который вел огонь и беспокоил пчел, что вызывало раздражение у части моих людей. Как-то вечером пришел Джон Дилл и сказал: «Мы разберемся с ним: у меня есть противотанковое ружье.» Мы знали примерное направление, которым находился этот пулемет, и он сказал мне: «Ты встань и зажги сигарету.» Я ему: «Вы шутите, дружище.» Однако я поднялся, закурил сигарету и тут же оперативно залег. К моменту, когда я припал к земле, надо мной пронеслись пулеметные очереди. Джон говорит: «Думаю, я засек его – сделайте это еще раз,» так что шоу повторилось, после чего он сказал: «Хорошо, теперь точно знаю», и выпустил в него пять патронов, после чего мы больше ни разу не слышали ничего оттуда. Потом стало потяжелее, заговорил пулемет, стоявший где-то напротив нас, что немного давило на психику, так что я выбрался из окопа и заполз за оливковое дерево. При себе у меня была винтовка со штыком и два подсумка с патронами. Вокруг валялось множество

винтовок. Я разглядел тень от стоявшего немецкого солдата, сделал по ему пять выстрелов, после чего он упал. Потом я рассчитал, где должен сидеть еще один немец за своим пулеметом и выпустил по нему пять патронов. Вместо того, чтобы сразу запрыгнуть обратно в окоп, я остался сидеть за деревом, ожидая, что появится кто-нибудь еще, чтобы занять место за пулеметом. Но, к сожалению, они тоже засекли мою позицию и обстреляли ее из минометов. На земле лежала шинель Джона Дилла, и одна из мин упала на нее, прямо мне под ноги. Меня осыпало землей, один парень был ранен и запаниковал, так что я отправил его на перевязочный пункт в сопровождении другого парня. И тут я сообразил, что остался сам по себе. Я также понял, что сам ранен, и что в моих башмаках хлопает, когда я пытаюсь встать. Посмотрел вниз, и увидел дыру ощутимого размера у себя в голени. У меня под рукой было множество самодельных бомб, вмещавших от 4 до 16 динамитных шашек, и большая сигара. Я должен был, при приближении идущих по дороге немецких танков, зажечь сигару, раскурить ее и, зажигая ею [огнепроводные] шнуры, швырять в них бомбы. Но меня больше беспокоило то, как бы осколки не попали в бомбы и не подорвали их, пока они еще лежат рядом со мной. Так или иначе, я понял, что ранен, и ушел на перевязочный пункт, находившийся неподалеку, но он снялся с места. Правда, я набрел на Джона Дилла, лежавшего там: он был ранен разрывной пулей. Я был сильно не в себе к этому моменту: на меня подействовал разрыв мины, и я чувствовал себя так, будто выпил. Однако я помнил, что на нашей позиции осталась старая пушка, и возле нее должен был находиться расчет. У ней была поломка, потом она была отремонтирована, но никаких признаков

расчета на месте не оказалось. Я немного побродил рядом с ней и увидел пару ног, торчавших их ствола оливкового дерева с пустой сердцевиной, поэтому просунул туда ствол своей винтовки и сказал: «Вылезай оттуда.» Это был артиллерист, англичанин, который, как оказалось, был крепко пьян. Потом нашелся раненый офицер, очень неплохой мальчик, но остальные нашли себе укрытия и вовсе не желали воевать. Я собрал их вместе, нашел среди них сержанта и сказал ему: «Там лежит офицер, снимите откуда-нибудь дверь или что-то в этом роде и отнесите его на полковой перевязочный пункт. Убедитесь в том, что это сделано. Если что не так, я буду искать вас столько, сколько вам осталось жить. Позднее я узнал, что парням перед этим пришлось очень тяжело, но это не было оправданием нежелания выполнять свой долг и неспособности держаться вместе нужным образом. Потом я, наконец, добрался до перевязочного пункта и встретил парня, одного из пулеметчиков, которого знал еще по гражданке – он тоже был ранен осколками мины. Он мог ходить вполне прилично. Пришел санитар, дал нам чаю и сказал: «Здесь все сильно заняты, в четырех милях по дороге есть еще один перевязочный пункт, если хотите, идите туда.» Этот парень, Джим, и я выпили еще по чашке чаю, перекурили и тронулись в путь. Вместо четырех миль мы прошли 11, но дошли до места. Через час после того, как мы ушли с того перевязочного пункта, там появились немцы, и те, кто был там, попали в плен.

Хэддон Доналд (Haddon Donald, 1917-2018) лейтенант, 22-й Батальон, один из защитников аэродрома Малеме, позднее участник боев в Северной Африке и Италии. В нижеприведенном интервью, взятом историком Меган

Хатчинг (Megan Hutching), он рассказывает о событиях 20 мая и об обреченной на неудачу контратаке на позиции немцев в долине реки Тавронитис/Tavronitis: . Что происходило на аэродроме на этой стадии боев? У нас было несколько пулеметов, немного артиллерии. Я не думаю, что это были 25-фунтовки, полагаю, это были старые французские пушки, которые наши артиллеристы вернули в строй и из которых обстреливали аэродром, не давая гуннам приземляться. Самолеты гуннов делали круги над местностью все это время. Они не пытались приземлиться, поскольку это было опасно, поэтому они снова и снова уходили. Был уже довольно поздний вечер, когда стали подлетать первые немецкие самолеты, которые пытались приземлиться. Была моя очередь сидеть за пулеметом Браунинг/Browning, который мы сняли со сбитого Харрикейна и установили на какую-то левую треногу. Появился первый немецкий самолет, который, по всей видимости, собирался приземлиться, и я подбил его

из этого Браунинга – он сел на брюхо на дальнем конце поля. Я был очень и очень этим доволен. Остальные отвернули и улетели. Так что в тот вечер ни один из них не приземлился, но они нахлынули на следующее утро, когда мы отступили.

Вы говорили, что приняли участие в контратаке – той бесплодной контратаке [20 мая], поддержанной парой танков...: В батальоне было два британских пехотных танка. Это были Матильды/Matilda с довольно толстой броней. Они были немного неуклюжими и вооружены лишь маленькими двухфунтовыми пушками, но на них был хороший пулемет, а благодаря толстой броне его было довольно трудно подбить. Это были вполне приличные машины, но позднее выяснилось, что они были, на самом деле, неэффективными. Они подчинялись (под)полковнику Эндрю, а ситуация становилась отчаянной в поздние послеполуденные часы. Он не смог получить какую-либо помощь из бригады и решил самостоятельно предпринять мелкомасштабную контратаку силами моего взвода и двух танков. Она была обречена на провал до того, как началась. Так или иначе, Джонни Джонсон (Johnny Johnson, вероятно, комроты) отдал мне приказ. Когда он отдавал приказы – он только что закончил – по дороге, напротив нас, прогрохотали оба этих танка. Мой взвод, в котором было около 28 парней, должен был идти вперед с танками и прикрывать их, но мы с ними [танкистами] не переговорили и ничего не запланировали. Поэтому я собрал свой взвод, собрал подофицеров в небольшую группу, и мы побежали к этим танкам и рассказали экипажам, что будем делать. Одно отделение должно было наступать справа от дороги, другое слева, еще одно – по самой дороге. Мы

должны были двигаться вперед вместе с танками, прикрывая их. Все это было безнадежно, потому что происходило при свете дня. Это было так, как будто шла Первая Мировая война – через бруствер и вперед. Но мы должны были делать то, что нам приказали. Итак, первый танк тронулся вперед по дороге, под обстрелом со всех сторон, но, в любом случае, неуязвимый для ружейно-пулеметного огня. Танкисты добрались до моста на западном краю аэродрома. Мы могли разглядеть их машину на дне долины – они вели огонь из пулемета, но не из своей двухфунтовки, от которой, вообще-то, было мало толку. Через какое-то время они увязли, и мы увидели, как они выбрались из танка и сдались немцам. Мы насчитали там, в какой-то момент, 200 немцев, а у меня был взвод из 28 или около того человек, включая шестерых или восьмерых британцев, присоединившихся к нам, так что мы знали, что шансов у нас нет. Так сдался немцам первый танк. Мы вообще не сумели догнать танки. Попытались, но оказались под огнем и понесли большие потери. Думаю, не получили ранения или не были убиты человек восемь из 28. На дороге появился второй танк. Нас учили так, что, если ты хочешь вступить в контакт с экипажем Матильды, нажми на звонок, который у нее был сзади. Я забрался на танк и нажал на него. Никакой реакции, так что я перебрался на его переднюю часть и стал махать руками напротив смотровой щели: у него была узкая застекленная смотровая щель. Башенный люк танка медленно открылся, командир экипажа высунул головы из башни и сказал, что в нее попал противотанковый снаряд и они не могут ее повернуть. Я разглядел, куда попал снаряд: погон башни был разорван, оттуда торчали рваные куски стали. По

этой причине он решил выйти из боя. Я посадил на танк несколько моих раненых парней, остальные пошли рядом с ним, чтобы было какое-то укрытие, и сумели добраться до КП роты. Что случилось потом с танком, только бог знает, но я знаю, что атака была отозвана. Она была обречена с самого начала.

Ну а что случилось с теми, кто был в первом танке? - Они попали в плен... Мы пошли в атаку около 5 часов после полудня, и я полагаю, это заняло около двух часов. Мы вернулись на КП часов в 7, и потом произошло следующее: мы увидели и услышали, как к нам приближаются немцы, в основном с запада и с юга тоже. Они просочились вокруг Высоты 107: к западу от нее было много растительности. К востоку от нас немцев тоже хватало. В итоге, мы оказались в окружении, и на тот момент, думаю, от нас осталось 10-12 человек, способных сражаться: остальные были убиты или ранены. Некоторые из нас были связистами или санитарями и т.п., так что дело было плохо. Какое-то время мы ждали, нас никто не атаковал, но мы слышали то, что немцы идут вперед...

Берт Дайсон (Bert Dyson), лейтенант, 4-й Полк Полевой Артиллерии/4th (NZ) Field Regiment, рассказывает Меган Хатчинг о том, как занимался подвозом боеприпасов для частей, готовившихся к контратаке на аэродром Малеме 22 мая 1941 года: Наихудшим заданием, полученным мной, была переброска троих грузовиков с боеприпасами к Малеме, на позиции артиллеристов, - должно быть, это случилось на третий день боев. Снаряды были погружены на три Матадора/Matador. Матадор был очень высокой и тяжелой машиной,

спроектированной для того, чтобы тянуть на буксире 3,7-дюймовые пушки. Очень заметная машина, которую трудно было укрыть от наблюдения. Все трое водителей были британцами, и, как все водители военной поры - новозеландцы, австралийцы и прочие, – отличные парни. Я сказал им: «Мы поедем медленно. Не спешим. Мы не станем, если это возможно, поднимать пыль. Мы просто потащимся потихоньку. Мы будем останавливаться везде, где будем видеть какое-нибудь укрытие: мы съедем к какому-нибудь зданию, в рощицу, осмотримся, а потом тронемся дальше.» И мы так и сделали, и никто нам не помешал. Так могло случиться потому, что раз ты сбросил парашютистов, твоя авиация становится бесполезной, потому что линии фронта нет и определить, кто и где находится, невозможно, и это могло стать причиной того, что мы пробились...

То есть, когда парашютисты приземлились, бомбежки и обстрелы с воздуха прекратились? - Им пришлось прекратить их, потому что под огонь могли попасть их люди. Мы добрались до артиллерийских позиций, припарковали грузовики между деревьями. Вероятно, это была оливковая роща. Мы начали разгрузку вместе с людьми из расчетов. Снаряды были 75-миллиметровыми, итальянскими и французскими, и все это было по частям. Там могли быть ящики с детонаторами, ящик с зарядами, ящик с гильзами. Эти боеприпасы, прежде чем пустить их в дело, необходимо было собрать – закрепить взрыватель, вложить заряд в картуз, смотря что было нужно. Они были громоздкими, и поэтому было непросто затащить их вверх по склону к пушкам. Аэродром был под сильным обстрелом с воздуха, потому что немецкие позиции и наши были вполне отличимыми друг от друга. Очередь с одного самолета ушла далеко, должно быть, пули были зажигательными и вроде того: она попала в одну из машин, загорелось брезентовое покрытие кузова, и грузовик охватило пламя. Мы быстро погасили его, но кто-то [из немцев] заметил дым, и они взялись обстреливать нас по-настоящему. Грузовик снова загорелся, и на этот раз пожар был столь сильным, что мы не смогли с ним управиться. Кроме того, начали рваться снаряды, и нам пришлось отступить от него. Много снарядов пропало без толку, потому что они начали рваться и в соседних грузовиках, и положение стало безнадежным. Мы укрылись поблизости в какой-то канаве, я и трое водителей, а когда все улеглось, мы пошли в штаб бригады – мне приказали вступить с ними в контакт. Там доложил, что потерял часть боеприпасов...

Александр Роджерс: Некоторых из них [парашютистов] мы подстрелили сразу – потом нам удалось подобрать их оружие и использовать его. Их пулеметы были превосходными: легкими, словно автоматы Sten/Sten. По счастью, флот был неподалеку и атаковал конвой немецких судов в ранние утренние часы одного из дней, высветив этим небо. Моряки потопили многие из вражеских судов – они хорошо поработали. Джерри через какое-то время захватили аэродром Малеме, и их самолеты продолжали прибывать. Многие из них были сбиты: они летели на небольшой высоте, обстреливали нас и бомбили, на них были сирены. Мы контратаковали Малеме и просто облажались. Само собой, никакой связи в те дни у нас не было, вообще никакой, и через какое-то время нас выбили с наших позиций. Потом нас отогнали к деревне под названием Сан Марино/San Marino, на холмы, а оттуда к Галатасу, где имел место ожесточенный бой. Когда мы отбили вражескую атаку, мы увидели следы совершенных [немцами] зверств и испытали шок. Я видел это собственными глазами: у некоторых женщин и детей было перерезано горло...Ну а потом нас оттуда выбили, после чего мы заняли позиции в стороне от пляжей. Напротив нас был 6-й Госпиталь, но немцы захватили его, развесили там флаги Красного Креста и на крыше установили свои пулеметы. Мы занимали старое фермерское здание в низине – в нем находился наш пункт первой помощи. Вокруг были развешаны флаги Красного Креста, чтобы дать всем понять – это перевязочный пункт, а позади нас находился голый бугор высотой 12-15 футов. Мы заняли позиции на склоне этого бугра, там укрыться было негде,

окапываться было нечем, а немцы были всего в 200-300 ярдах от нас со своим пулеметами ... Нам не разрешили стрелять по участку, где раньше был госпиталь, ну а меня зацепило разрывной пулей, которая прошла через мышцы и все остальное, а остальных сильно покромшило пулеметным и минометным огнем – там мы потеряли многих парней. Меня спустили вниз, на перевязочный пункт, но неожиданно вокруг начали падать мины, а потом появились джерри и застрелили двоих или троих наших санитаров. Через пару дней немцы отвезли нас на аэродром Малеме, откуда переправили в Афины.

Эллан Робинсон (Allan Robinson), младший капрал, 6-я Полевая Амбулатория/6th (NZ) Field Ambulance, рассказывает о захвате немцами перевязочного пункта и о том, как они сделали из раненых и санитаров живой щит: Исходя из интенсивности активности противника в воздухе – самолеты обстреливали нас и иногда бомбили – мы знали, что он что-то готовит для нас. Наступило 20 мая. Мы завтракали, к нам пришел местный паренек, и он сел поесть с нами. В 8 утра они появились в небе. Они обстреливали наши позиции взад-вперед на протяжении двух часов, всюду и везде. Бомбежки не было – они стреляли. Мы немедленно разбежались по нашим окопчикам. Нет ничего хуже, чем сидеть в такой щели и слышать, как сквозь ветви оливковых деревьев летят пули, слышать, как на тебя падают ошметки коры и все остальное, видеть клубы пыли вокруг твоего окопчика, когда в землю ударяются пули. Сказать, что я был испуган, - это не сказать ничего...

Робинсон (справа) и еще один новозеландец вместе с греческими детьми. Март-апрель 1941 года

Потом я услышал, как кто-то сказал: «Ups the hands,» и тут надо мной появился немецкий парашютист с пулеметом. Ну, я поднял руки. Я только-только выбрался из окопчика с руками над головой, когда я услышал трах-бах – это прогремел выстрел. Я поднял голову и увидел нашего полковника, Джона Плиммера (John Plimter), который исполнял обязанности нашего командира... У всех офицеров были личные пистолеты, и, когда ему сказали выбираться наверх, он, должно быть, опустил руку далеко вниз, они [немцы] подумали, что он тянется за оружием, и выстрелили в него. Он просто свалился обратно в окоп, но сразу он не умер. Мы, как могли, пытались ему помочь, но нет – рана была смертельной... Потом нам сказали: «Двигайте туда!» У них с собой был большой флаг Красного Креста, и они вывесили его. Все нам сказали сидеть рядом с ним с руками на голове. Мы, наверное, просидели там пару часов, или больше того, потому что уже перевалило за полдень, когда нас куда-то повели. Потом мы опять сидели, гадая, что с нами будет, и тут услышали шум.

Огляделись и увидели тех, кто остался из пациентов 7-го Госпиталя/7th General Hospital, располагавшегося за дорогой. Он был захвачен немцами, и всех парней – санитаров, раненых, ходячих раненых – согнали в одну кучу рядом с нами. За пару дней до вторжения мы видели, как над заливом Суда был сбит немецкий самолет. По-видимому, летчик сумел посадить его, при этом он ударился спиной и повредил ее, после чего был помещен в госпиталь. Когда рядом с нами появились раненые из этого госпиталя, с ними пришел, хромя, тот самый летчик, у которого в руках был автомат, – теперь он конвоировал раненых и парней, которые оказали ему помощь. Потом пришли немцы и накормили нас. Они раздали нам наши же армейские галеты (нужен был молоток, чтобы разбить их на куски) и открыли несколько банок аргентинской говяжьей тушенки. У них было мало консервированных фруктов, так что они жрали наши фруктовые консервы, словно ели их в последний раз в жизни. Ну а нам достались галеты, немного мяса и по глотку воды... Позднее нам приказали подняться. Не знаю, что стало с Джоном Плиммером и где он был похоронен. Может, они его похоронили... Нам сказали, что пришло время двигаться. Они собирались использовать нас в качестве щита по пути к позициям, удерживаемым новозеландцами. Думаю, нас повели в направлении Даратсоса/Daratsos (западный пригород Ханьи – ВК) на позиции Роты Таранаки/Taranaki 19-го Батальона. Итак, тут 19-й Батальон, тут мы, а за нами немцы. Мы были посередине, а они вели огонь сквозь нашу линию. Они были на немалом расстоянии от нас, но видели, где мы. Мне снова повезло, потому что у меня на пути оказались оливковые деревья, вот почему я их так люблю. Я спрятался

за одним из деревьев солидного размера и так нашел укрытие. Некоторые из немецких парашютистов, которые знали нас, использовали старые винтовки Ли-Энфилд/Lee-Enfield и стреляли из них по нашим. У 19-го Батальона были пулеметы Брен/Vren, они поставили их на очереди с фиксированной длиной и так вели огонь. Тот мальчик-критянин, который утром был у нас в лагере, был пленен вместе с нами, и, конечно, его знали, как и остальных. Неожиданно я услышал, как он застонал. Говорю ему: «Что не так?» Задрал ему рубашку и увидел черную дыру - дыру с черным по краям: ему в живот попала пуля, и он стонал. Я меня не было с собой бинта, у меня ничего не было вообще. Этот бедный пацан умер рядом со мной... С другой стороны от меня был мой приятель из Дэнневёрка/Dannewirke (город в Новой Зеландии – ВК) – ему пуля попала в голову: она прилетела от наших – он тоже был застрелен новозеландцами. Очень плохо, но так бывает, когда сильно не везет (в тексте - так крошится печенье/the way the cookie crumbles). Бедный старина Джек, он был убит. Слава богу, у меня было оливковое дерево. Вокруг разлетались куски коры – Дантов ад был бы ничем по сравнению с этим. Было страшно. Думаю, в тот момент мы преодолели страх, просто приняли его таким, каким он был...

Стэнли Джервис: Мы снова занялись нашим рутинным патрулированием, рядом с Ираклионом/Heraklion. После полудня, в один из дней, на траверзе залива Суда, нас атаковал немецкий самолет-одиночка, он находился в хвосте строя, осуществлявшего массированный налет на залив, что они делали раз в день. Этот парень, очевидно, оторвался от других, чтобы всыпать нам, что он и

сделал с высокой эффективностью. Мы попытались увернуться от него. Мой командир был на корме, я вахтенным офицером, и мы попытались предотвратить пулеметный обстрел корабля вдоль всего его корпуса, повернувшись к нему правым бортом, чтобы он побыстрее проскочил над нами, не нанеся большого ущерба. Однако ему удалось поймать меня на противоходе, и он прострочил корабль из пулеметов от кормы до носа, а до этого прошелся огнем поперек палубы. У нас в носовой части была 3-дюймовая пушка, и мы попали в него, потому что он взорвался и рассыпался на куски прямо у нас над мостиком, при этом он сбил нашу фок-мачту. Несчастье приключилось с моим командиром: он был тяжело ранен. Еще был убит один пулеметчик, отличный парень из Южной Африки, который стоял рядом со мной на мостике и неожиданно упал на палубу. Я подумал, что это была хорошая идея и почему бы мне не сделать то же самое, так что я тоже залег. Потом я поднялся, чтобы оказать ему помощь, и снял с него каску, - к моему ужасу вместе с ней отвалилась половина его головы. Многие из наших парней, находившиеся ближе к корме, тоже были ранены, думаю, их было девять. Гунны подстрелили еще одного хорошего малого, который вел огонь из Эрликона/Oerlikon, разрывные пули попали ему в обе ступни, в итоге, он лишился обеих... Мы дали ему рому, потом бренди или еще чего-то, пока делали ему перевязку. Я все еще хорошо помню вот что: я зажег сигарету и дал ему ее, потом придержал, пока он сделал пару затяжек, и я и в самом деле больше никогда не видел такой перемены в лице человека. На нем осталось выражение лишь умиротворения и комфорта, так что я с той поры всей душой верю в курение и дым сигарет... Все раненых

сгрузили на берег, и мы отправились в залив Суда. Всех их быстро эвакуировали морем в Александрию, потому что по ночам какие только корабли и суда не уходили с Крита и не возвращались, чтобы доставить боеприпасы, еще бог знает что и подкрепления. В заливе Суда мы попытались дозаправиться, но нам удалось добыть только часть необходимого, потому что случился еще один авианалет и нам нужно было убираться куда-нибудь. На какое-то время горючего было достаточно, и мы вышли в море. К этому времени я стал исполнять обязанности командира из-за понесенной потери: к тому времени мы уже потеряли двоих, и я был единственным, кто был под рукой. Потом мы снова занялись патрулированием, и нам пришлось доставить четыре малых десантных катера в Ираклион, потому что к этому времени армейские части оказались без лопат и кайл, боеприпасов и всего прочего (очевидно, что-то из этого находилось на борту десантных катеров – ВК). Ираклион горел, так что нам не разрешили входить в его гавань, потому что местное командование не хотело, чтобы нас потопили внутри нее и наш корабль преградил бы, таким образом, дорогу другим. Мы оставили десантные катера у входа в гавань и ушли назад, в залив Суда. Мы пришли в залив Суда сразу после наступления темноты и направились к причалу. На берегу интенсивно перемещались туда-сюда люди, и мы не обращали на это внимания, пока из здания на его конце не появился сержант морской пехоты. Мы тем временем подавали последний конец на берег, при этом нужно было соблюдать максимум осторожности, потому что в конце причала застряла неразорвавшаяся 500-фунтовая бомба, нам туда-то и нужно было бросить трос. Сержант

подошел и сказал: «Какого черта вы здесь делаете?» Мы ответили, что обычно швартуемся в этом месте, и он сказал: «Вот там-то и там-то уже немцы,» - они были недалеко от конца причала, и мы не могли поверить ему! Мы быстро и аккуратно сняли швартовные тросы с кнехтов, и тут он говорит: «Могу я уйти вместе с вами?» Мы сказали «да» и отошли от причала – никто нас не заметил. Немцы, должно быть, подумали, что это был один из их кораблей... Мы покинули залив и подошли к клифам мыса Драпанос/Drapanos, расположенного в районе северо-восточного входа в залив Суда. Находясь в тени клифов, мы решили: единственное, что мы можем сделать, имея 70 тонн горючего, это взять курс на Александрию, но мы не могли уйти в море в светлое время суток, потому что могло показаться, что в воздухе над нами находятся вся германская авиация. Мы встали на якорь и придали кораблю максимально заброшенный вид со всеми тросами, свесившимися за борт и т.п. Мы находились недалеко от берега, большая часть команды расселась на пляже, но мы приказали всем найти себе укрытие. Каждый несколько часов главный механик и я возвращались на корабль, чтобы подбавить пару в котлах, и этого было достаточно... Мы наблюдали за самолетами, пролетавшими мимо нас на небольшой высоте, и надеялись на то, что они сочтут наш корабль брошенным командой... Это работало вполне сносно до 7 часов вечера. Мы ждали сумерек, чтобы вернуться на борт и отправиться в путь, но немцы прислали 13 Ju-88, которые отбомбились по нам, один за другим. Мы наблюдали за этим и видели, как все они промахнулись. Потом они сделали еще один заход и снова отбомбились неточно все, кроме последнего. Одна бомба упала за кормой,

другая попала прямо в корму, еще одна - в квартердек. Одна бомба, которая, насколько я помню, была не очень большой, взорвалась, и корабль сразу загорелся. Мы знали, что долго это продолжаться не может, потому что в кормовой части у нас были складированы 90 глубоководных бомб. Уже не помню, сколько прошло времени, прежде чем они взорвались и корабль разлетелся на куски... Дорога от залива вела к какой-то деревне, и мы пошли по ней. С нами был тот самый сержант морской пехоты, который раньше бывал в этой деревне. Он раньше служил на крейсере York, который был потоплен немецкой авиацией. Моряки сняли с крейсера часть своих 6-дюймовых зениток и разместили их на мысу Драпанос, так что он знал эти места и местных жителей довольно хорошо, потому что командовал этой батареей. Местные отнеслись к нам исключительно доброжелательно. Они усадили нас, принесли ведра воды, потому что в заливе у нас питьевой воды не было, сваренные крутую и выкрашенные красным яйца, что было частью их пасхальных обычаев. Так мы сидели на месте до наступления темноты, после чего грек-полицейский снял с себя форму, переделался в гражданскую одежду и вывел нас тропами из деревни на проселочную дорогу, которая вела к Сфакии. Это была главная и единственная дорога [к южному берегу], и она была забита отступающими войсками. Полицейский, этот хороший мальчик, остановился, сказал, что ему пора назад и что он не хочет застрять в этом потоке, пожал всем руки и исчез в кустарнике... У нас с собой были 19 винтовок Ли-Энфилд канадского производства, у меня был револьвер калибра .45, пара обойм к нему и 9 гранат Миллса/Mills. Тут из-за гребня гряды, протягивающейся вдоль побережья в

сторону Ретимно/Rethimno, неожиданно появилась большая автомашина. У нее горели фары, и мы поэтому подумали, что это могла быть только немецкая машина. Мы находились на дороге, которая вела из деревни вдоль сложенного из камней забора, поэтому рассредоточили парней с винтовками, а я выдвинулся немного вперед. Мы хотели подпустить их поближе и посмотреть, выключат они фары или нет, - если нет, то это, вероятно, броневомобиль или еще что-то немецкое. Я собирался сделать три выстрела: первый в качестве сигнала остановиться, и, если они этого не сделают, выстрелить еще дважды, целясь в фары. Это означало, что пули либо разобьют их, либо попадут в мотор... После моего третьего выстрела машина не остановилась, поэтому парни с винтовками открыли огонь: ничего другого нам не оставалось. Это было самое худшее из того, что могло случиться со мной. Это была очень большая машина, в которую могло поместиться человек двадцать, и она была забита беженцами из Ретимно. Эти люди направлялись из него в сторону той самой деревни..., и мы расстреляли их, что было ужасно. Машина сначала налетела на один из домиков, затем воткнулась в каменный забор и упала на бок. Мы побежали к ней, решив, что нужно что-то сделать со всем этим, тут появился полицейский и сказал нам: «Давайте-ка убирайтесь отсюда, пока вас не нашли немцы, да и местные будут искать этих людей.» Тогда мы видели их в последний раз...

**Продолжение читайте в
следующем номере**

**Перевод и компиляция –
Владимир Крупник,
Перт, Австралия**

Материалы рубрики не редактируются – это авторские тексты

Знакомьтесь. У нас новый автор. Юрий Евгеньевич Токарь. Учитель математики в Украине. Стихи, рассказы, очерки на русском и украинском языках печатались в Украине, России, Беларуси, Германии, США. Например, в таких изданиях: газета “День” (Украина), журнал “Южная Звезда” (Россия), “Сімейна газета” (Україна), журнал “Чайка” США и других.

НИКОГДА?

Памяти Продана Степана Васильевича, учителя, погибшего в автомобильной катастрофе

Снежным оказалось начало декабря 2005 года. А мы с девятью учениками и двумя выпускницами, купив заранее железнодорожные билеты, в пятницу отправились в традиционное, однодневное путешествие из нашего, затерянного в лесу посёлка, во Львов. Традиционное, потому что за те годы, которые мне пришлось руководить школой, осенью, зимой или весной обязательно набиралась группа учеников, а иногда и выпускников, из 10–15 человек, с которой мы ехали во Львов, Одессу, Днепропетровск или какой-либо другой город, чтобы ближе познакомиться с его историей и достопримечательностями. Такие импровизированные группы экскурсантов оказывались достаточно разношёрстными по возрасту. Иногда их участниками становились и родители школьников. Конечно, учеников привлекало не только само путешествие но и атмосфера оторванности от дома, встреча с чем-то новым.

К ближайшей железнодорожной станции мы добирались автобусом. На сидении рядом со мной устроилась худенькая, коротко подстриженная, черноволосая Люда - девушка, которая за год до описываемых событий окончила школу и поступив в сельскохозяйственный колледж, училась на ветеринара. Она долго и пристально смотрела в окно, а потом спросила у меня: «А долго нам ещё ехать до станции»?

- Смотри, как ехать. Мы еле двигаемся. Осталось километра три-четыре, но видишь же, что дорога засыпана снегом.

- Может, вообще, автобус сейчас остановится, - вмешался в разговор

щупленький восьмиклассник Игорёк.

- Не остановится, - уверенно среагировала девушка.

- Почему ты так думаешь? - заинтересовался мальчик.

- Потому что знаю, - автобус просто так никогда остановиться не может.

- Слушай, Люда, а ты не слышала известную фразу: «Никогда не говори никогда»? - спросил Игорёк.

Девушка на мгновение задумалась, а я, взглянув в окно, обратился к мальчишкам:

- Кстати, смотрите, вон возле зелёных ворот автомобиль стоит, а за забором большой дом. Видите? В нём же учитель наш живёт, Степан Васильевич, который у вас трудовое обучение преподаёт.

- А вот теперь, - с уверенной усмешкой сказала Люда, абсолютно точно могу сказать, чего никогда не случится .

- И чего же? - удивился восьмиклассник.

- Я никогда не войду в дом этого преподавателя. Он ведь у нас, у девочек никаких уроков не вёл. Да и вообще, мы с ним не знакомы.

Мы с Игорьком, услышав ответ девушки, не придав особого значения ему, лишь пожали плечами. По-идее, она была права.

Автобус снова начал набирать ход.

Во Львове, куда мы попали утром следующего дня, снега не было совсем. Экскурсия прошла удачно и уставшие за день знакомства со Львовом мы мирно спали всю ночь и поднялись со своих полок плацкартного вагона только за полчаса до прибытия на станцию.

За время нашего отсутствия снега намело столько, что лыж нам явно не хватало.

Заметённые легковушки растерянно стояли на обочинах, а грузовики двигались очень медленно. До нашего посёлка от железной дороги надо было ехать бетонкой восемнадцать километров. На площади у станции собрались ещё несколько наших односельчан, желающих попасть домой. Кто-то из них сообщил, что местная власть пообещала через два часа прислать грузовик «Урал», с тентом, который сможет, хоть и не быстро, но доставить нас

домой. Однако мы решили не мёрзнуть на улице или в неотопляемом здании станции, а идти пешком по намёкам на следы автомобилей в сторону дома, подогреваемые слабой надеждой, что кто-нибудь нас подберёт раньше «Урала».

Первый километр, влекомые утренним энтузиазмом, мы прошли тяжело но уверенно, а вот следующие два дались с трудом. Преодолев и их, мы устали настолько, что готовы были ждать обещанный грузовик, просто стоя в снегу, лишь бы не трамбовать его своими ботинками. И вдруг мне в голову пришла мысль, что рядом же с местом нашей остановки живёт Степан Васильевич, наш трудовик. Через несколько минут мы уже пили на кухне, добродушно принявшего нас учителя, ароматный кофе и делились своими впечатлениями о бесснежном Львове.

Внезапно восьмиклассник Игорёк воскликнул, посмотрев на меня:

- А Вы помните, как Люда позавчера в автобусе сказала, что никогда не зайдёт в дом Степана Васильевича?

Ну что же, воистину мудрое выражение: «Никогда не говори никогда!». На реплику Андрея Люда не ответила, смущённо промолчав. Объяснив, удивлённому прозвучавшим вопросом хозяину дома, что произошло, мы увидели через окно долгожданный грузовик, который ехал на станцию за пассажирами. Не мешкая оделись, вышли на улицу. Попрощавшись с добродушным учителем, который провёл нас до калитки, мы через четверть часа остановили возвращающийся «Урал» и отправились на нём домой, согретые выпитым кофе и искренним, душевным теплом Степана Васильевича.

Юрий Токарь, Украина

ИСТОРИЯ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ОДНОГО ИЗ САМЫХ ГРУБЫХ РУССКИХ РУГАТЕЛЬСТВ

Как это ни удивительно, но, похоже, одно из самых грубых русских ругательств, а именно: оскорбительное обращение «уе...ан» (где буква «Б» в середине слова пропущена из уважения к лучшим чувствам особенно впечатлительных читателей) пришло к нам, вероятнее всего, из... испанского языка. И именно в хрущевский период существования «одной шестой части суши»...

Вполне естественно, отследить происхождение некоторых нецензурных слов в языке не только трудно, но, вероятнее всего, невозможно. Поскольку большинство лингвистов стараются обходить тему обсценной (а именно: нецензурной или матерной) лексики стороной. То ли из-за условной «неблагодарности» самой темы, то ли из-за пренебрежения к ней. А, возможно, и из-за собственного воспитания и некоего «социального фона», которые не позволяют им (лингвистам) опускаться до подобных «вульгарностей».

Увы, явление матерной лексики всегда было и предположительно всегда будет существовать в любом языке, включая русский. И, как бы не хотелось кому-то максимально «согнуть скрепы» и «завернуть гайки» всевозможных «традиционных ценностей», огромная часть «глубинного народа» нашей многострадальной отчизны не только периодически использует в речи нецензурные выражения, но, более того, говорит исключительно на них. Лишь для связки вставляя в речь иные выражения, чтобы хоть как-то «скрепить» свою речь в единый и стройный поток, понятный всем остальным носителям русского языка.

Посему, раз явление обсценной лексики

существует в языке, как объективная реальность, оно вполне заслуживает того, чтобы обратить на него хотя бы поверхностное «лингвистическое внимание». И, как минимум, попытаться понять происхождение нецензурных слов, а также их влияние на социум... который и формируется благодаря тем самым языковым средствам, которыми он оперирует...

Впрочем, данная короткая статья не претендует на объективность «в последней инстанции» и выдвигает всего лишь одну из версий происхождения вышеуказанного слова в русском языке. Слова, наиболее близким синонимом которому будет выражение описывающее «ленивого, неприятного и не особенно умного человека». И уже на усмотрение вдумчивого и всегда имеющего своё негибкое мнение читателя останется: верить ли данной теории или усомниться в её «легитимности».

В испанском языке слово «huevo», значит «яйцо». И пусть не спешат смеяться над самим словом благодарные читатели, плохо знакомые с испанским и прочитавшие слово «с листа» по буквам...

Буква «Н» (в испанском буква называется «Аче») никогда не произносится и пишется

исключительно по традиции и не более того. Звук же выражаемый буквой «V» (в испанском буква называется «Убэ») в русском отсутствует, но более всего он похож на нечто среднее между русскими звуками, выраженными буквами «Б» и «В». В разговорной же испанской речи этот звук больше всего напоминает сильно смягчённый русский звук «Б».

Посему, слово «huevo» для русского слуха прозвучит, скорее, как «уэбо».

Для обозначения же недалёкого, трусливого и ленивого человека в испанском существует производное от того самого «уэбо», которое пишется, как «huevo», что для русского слуха будет звучать, как «уэбон».

Естественно, можно допустить и версию происхождения этого слова от неоднозначного, а — точнее — многозначного русского глагола «еб...ть». И эта версия также будет иметь право на существование (хотя, даже на первый и поверхностный взгляд, она уже кажется откровенно притянутой за уши). Но это будет «уже совершенно другая история», как говорилось в знаменитом советском мультфильме...

Возвращаясь же к «нашей» версии этимологии данного понятия, стоит сказать, что слово «уе...ан» в русском языке вообще не имело хождения до второй половины 20-го века. И лишь с кубинской революцией в конце 50-х годов XX-го века под предводительством Фиделя Кастро, Че Гевары и иже с ними, имевшей явный социалистический характер и ориентирующейся на социальное и политическое устройство СССР в первую очередь, испанский язык начал занимать прочное место в жизни Советского Союза.

Благодаря тому, что Куба стала для СССР единственным явным испаноязычным союзником и сателлитом по идеологии в Западном полушарии, испанский язык начал повсеместно изучаться в советских школах. А огромное количество социальных, культурных, военных и политических связей на всевозможных уровнях отношений между СССР и Кубой, лишь добавили популярности испанскому языку в частности и испаноязычной культуре в целом у советского населения.

Вряд ли есть открытая статистика относительно точного количества советских людей, которые «прошли» через Кубу только в 60-х годах прошлого века. Но даже по самым скромным оценкам на «Острове Свободы» в длительных командировках побывало несколько сотен тысяч советских граждан (также «вполне естественно» для того времени, подавляющее большинство из них были военными). И каждый по возвращению на родину привозил с собой нематериальную частичку испаноязычной культуры в виде воспоминаний и минимального набора иноземных слов (среди которых отчего-то лучше всего и буквально без исключения всегда запоминаются выражения нецензурные). Культуры, которая ценилась тем больше, что едва ли не для каждого первого командированного (а, как известно, выездного туризма в СССР фактически не существовало вплоть до окончания пресловутой горбачёвской «перестройки») это был, вполне вероятно, единственный в жизни выезд за границу Советского Союза, а, значит, и самое яркое воспоминание на годы вперёд...

Вероятно, именно во второй половине 20-го века в русский язык и вошло то самое понятие «huevo», которое с минимальными фонетическими

изменениями (удобными для русской артикуляции и фонетики) стало типично русским ругательством, которое и в наши дни можно услышать едва ли не ежедневно, как от принципиальных носителей «традиционных скреп», так и просто от представителей «глубинного народа» в той или иной степени общающихся на русском...

И описанная выше версия лишней раз доказывает, что в современном

мире невозможно полностью и искусственно изолировать отдельно взятый язык насильственным введением соответствующих законов, «ратующих» за «традиционную чистоту языка». Ибо на любой человеческий язык всегда и безо всяких исключений будут влиять другие языки, дополняя и обогащая его (как минимум, количественно) новыми явлениями и понятиями...

Игорь Альмечитов, Воронеж

ВЫСОТА

Здесь, на высоте, все было иначе.

Не было обычных шумов, не было кухонного чада, бытовых дрязг, не было ссор с соседями, шумные споры не доносились сюда, отсюда были далеки все земные звуки. Только аппарат наземной службы связывал его с землей.

Все людские проблемы отсюда были далеки и казались мелкими и незначительными.

Отсюда и люди – и те виделись мелкими и никчемными. Некоторые дома были похожи на коробочки спичек и на детские кубики.

Все вопросы, все проблемы не доходили сюда; все оставалось людям.

Монотонный шум двигателей он не замечал, привык; а вместе с ровным гулом пролетающих самолетов создавался приятный для него фон.

Здесь, на высоте, у него всегда было

приподнятое настроение. И ему всегда хотелось петь. И песни были только одной тематики – летной.

... «Если б ты знала,
Если б ты знала,
Как тоскуют руки по штурвалу...
Есть одна у легчика мечта –
Высота, высота...»
... «Под крылом самолета...»

Часы, проведенные здесь, никогда не были ему в тягость, он никогда не уставал на работе. Наоборот он заряжался здесь энергией, которой ему хватало надолго.

Раздался зуммер аппарата наземной службы. Он взял трубку:

- «Понял. Закончил полет. Спускаюсь»,
- он положил трубку и тотчас покинул кабину.

Сменщик ждал его, как всегда, внизу, у подножия башенного крана.

Валерий Бохов, Москва

АЛЕКСЕЙ ВОЛОДИН

“Я несколько раз делал Луну”

Однажды вечером я гуляла по вечернему Берлину, а в руке несла флeерс – рекламный листок с афишей спектакля «Мастер и Маргарита» в Русском камерном театре. Где же этот театр? думала я и шла прямо, а потом свернула в район Пренцлауэрберг. Есть в этом районе место, которое невозможно обойти стороной. Это Мультикультурный центр Kulturbrauerei, расположенный на территории бывшего Пивного завода. Там и располагался в то время (а это были нулевые, начало) Русский камерный театр (Russisches Kammertheater Berlin), основанный еще в 1922 году Борисом Романовым. В театре удалось сохранить уникальный стиль неоромантизма с акцентом не только на драматическое мастерство актеров, но и на хореографию.

Я подошла к запертой двери и постучала. Вдруг дверь открылась – на пороге стоял высокий седой мужчина с молодыми улыбающимися глазами. Пестрый шейный платок кокетливо был повязан вокруг его шеи.

– Вам кого?
- Вас.

Короткая рокировка завершилась тем, что мы мирно распили бутылочку красного и подружались на всю оставшуюся жизнь. А оставалось Алексею Володину как выяснилось не так уж и много. Позже мы с подругой будем навещать его в больнице – когда он уже будет умирать...

Тогда в наше первое знакомство – фейерверк эмоций - он пригласил меня к себе домой и познакомил с Антье Восилус – немецкой актрисой, его возлюбленной и Томасом Макарасом - режиссером из Литвы. Выяснилось, что Алексей приехал из Москвы по вызову своей первой дочери Марины Леман – которая давно жила в Германии. В то время Марина возглавляла Русский камерный театр и все постановки случались под ее пристальным вниманием и непосредственным участием. А папа Алеша тоже работал в этом театре

сценографом – оформлял спектакли.

В Русском камерном театре вся сценография – цветовое и световое оформление спектаклей лежала на художнике Алексее Володине. Часто ему приходится долго искать, чтобы визуальная метафора совпала с режиссерской идеей.

«Я несколько раз делал Луну, - рассказывал А.Володин. Луна у Булгакова – важный символ, там все при луне происходит. В своем дневнике Елена Сергеевна Булгакова писала: «М. А. возится с луной, смотрит на нее целыми вечерами в бинокль – для романа.» Я тоже искал. Сначала я выложил кратер из зерен, - получилась брошка на этакую большую женщину. Не то. Сам Булгаков видел в луне морского конька, писал, «что ее как будто собаки обгрызли». Я попытался следовать этому замыслу и, наконец, нашел. Чередуя гладкие места и шероховатые в материале, используя разную подсветку, я сделал Луну и она заиграла. И зритель ее принял..»

Публика в Русском Камерном театре, который был в то время островком русской культуры в немецком мире,

21.30 Uhr: BERLIN
Zehn Tage Kampf,
75 Kilometer von der Oder
bis zur Eroberung Berlins.
Dokumentarfilm 1945
22.30 Uhr: ICH WAR 19
Film von Konrad Wolf

8. Mai
45
TAG DER BEFREIUNG

Alexej Volodin

Sowjetisches
Ehrenmal
Tiergarten
Straße des 17. Juni

**KINO
OPEN
AIR**

7. Mai
Russische Küche, russische Folklore
Eintritt frei
Beginn 21 Uhr

05

Unterstützt von

Neues Deutschland

V.i.S.d.F. Thil & Utzsch. Fot.

разная. Но очень интеллигентная и доброжелательная. Все сидят на стульях деревянных, изящных, их сделал мастер – Алексей Володин. Вообще, сценография – это искусство создания зрительного образа спектакля посредством декораций, костюмов, света, постановочной техники. А художник-декоратор просто переводит авторский замысел художника-постановщика с плоских эскизов на объемные декорации.

Декорационное искусство способствует раскрытию содержания и стиля театрального представления, усиливает его воздействие на зрителя.

Друг Штирлица и Табакова – так он себя представлял, потому что на самом деле был другом актеров Вячеслава Тихонова и Олега Табакова, мой дорогой партайгенноссе – друг по партии любителей пивчанского – добрейшей души человек, сохранивший молодость души до самых последних дней, богатырь, пловец подводной лодки «Барракуда», которую он поднимал со дна моря, прокладывая под ней тросы и один трос выскользнул и часть тяжелой лодки, такой махины придавила пловца. Но Алексей выжил тогда. Я вспоминаю: у него была книга, подаренная известным врачом-Довженко, надписью: «Алексею Володину – богатырю России».

А еще он снимался в Бабельсбергской киношколе. В мае 2003 года весь Берлин был обклеен плакатами – кинофильм Конрада Вольфа – «Когда мне было 19.» Алексей Володин держит с руках фотографию девятнадцатилетнего парня... себя.

Когда я решила уезжать в Москву
- я передала ему свою квартиру на

Винштрассе 17, то есть он ее переснял у Квартирного бюро города, и он там жил какое-то время, обуял ее как смог: принес какой-то большой цветок в горшке, пледы, разные картины. Но все-таки почему-то там долго не задержался. Нашел себе другую. И потом писал мне в Москву: «Привет Щebetуха Трындечиховна! Как дела? Как у Жени? Ему большой привет. Твое письмо вернулось в зад. Я его тебе высылаю. Ich liebe dich, meine Freundin. Du bist mein Libling, also mein Schatz!».

Но хватит о грустном. Я пятого декабря переехал в новую квартиру и - сразу ожил. Квартира – сказка. Зря ты не посмотрела. Солнце целый день. Вообще ты все забыла. Ничего не успела. Только обещала. Правда, обещанного три года ждут. Ты забыла со мной проститься – раз. Забыла мои стихи – два. Забыла взять у Марины фотографии – три. Это по крупному. А если перечислять дальше, по мелочи, я набрал семнадцать пунктов. Впечатляет? Вот такие дела, Танюха, прости Танюшка.

Пишу тебе письмо и потихоньку посасываю пивчанского. Марина ругается, забирает у меня алкоголь, но я стойкий оловянный солдатик. Мое кредо: «Лучше умереть на сцене, чем на унитазе». Никогда ни в чем себе, любимому, не отказывал. Вот такие у меня дела teuer parteigenossin. Целую Вас в уста и прочие места. Привет Олеся. Чао-какао-чоколадо. Tschusi! Dein alt Freund Alexej/ Пиши. Berlin 15-12 -2004».

Его адрес теперь – небесный. Богатырь Алексей Володин умер. Остались три дочери (одна приемная) и сын Штефан (проездом в Польшу – как он сам шутил). Умер Мастер. Я счастлива, что судьба свела меня с этим человеком.

Татьяна Горохова, Москва

ПЕПЕЛЬНИЦА

Николай Колчин не курил и был противником этого действия. Он не кричал на каждом углу, что это вредная привычка, ему не нравился сам процесс. Зачем вдыхать в себя дым? Ради каких-то там понтов? Ради перекура, во время которого можно с кем-то поговорить по душам? Возможно, кто-то ради этого и старался выставить себя, типа, крутым, особенно в переходном возрасте.

Впрочем, Кыля познакомился с сигаретой в шесть лет. У него был приятель-одногодок Эдик – сосед по этажу, и они вдвоем подбирали у продовольственного магазина бычки, бежали к железной дороге, забирались под мост и там курили. Баловство, конечно же, это было, ребячество. Кыля и затягиваться-то правильно так и не научился и никакого кайфа не ловил. Когда же однажды Эдик многозначительно изрек, что если не затягиваться, то можно заработать «рак губы», то Николай и вовсе «завязал».

Очень не нравилось Николаю Колчину, когда курили молодые девушки. Всего аж передергивало. А тут – она, смолившая сигарету, вдруг нарисовалась на берегу реки Москвы, несущей быстрые воды мимо славного города Звенигорода. Он-то как раз забросил под противоположный берег блесну, с надеждой на поклевку щуки...

На самом деле, в это весеннее время на ловлю спиннингом существовал официальный запрет, и Кыле не то, чтобы все было по-барабану, но по сторонам он поглядывал – вдруг какой-нибудь рыбнадзор появится... Но вместо рыбнадзора подтянулась девица – откуда-то из кустарника – вся такая в модных протертых, с дырками джинсах, яркой футболке и бейсболке, перевернутой задом наперед.

Кыля при встрече с незнакомым человеком всегда первым делом всматривался ему

в глаза. И в этом случае от правил не отошел. Правда, дымящаяся сигарета в ее тонких пальцах отвлекала внимание, но глаза у незнакомки он рассмотрел сразу – серые и огромные, с длинными, загнутыми вверх ресницами. Кыля такие обожал... Да еще и носик курносый, и губки пухленькие, да и волосы – пшеничные, правда, по мнению Кыли, слишком коротко стриженные, но в совокупности... очень даже сексуально...

– Ты чего это здесь мусоришь? – нахрапом спросила незнакомка.

– Мусорю? – сначала растерялся Кыля и посмотрел на берег, на котором после недавно сошедшего снега валялось действительно много разнообразного мусора... даже перечислять устанешь.

– Я – вообще никогда... Даже фантики и пробки пивные в урну бросаю...

– Москвич? – ощерилась незнакомка. – Знаем мы таких. Это, когда тебя кто-то видит – тогда урну ищешь, а если никто не наблюдает, так бросишь окурки себе под ноги, даже не затушив...

– Не курю я! – рявкнул Кыля. – В отличие от некоторых... дур.

Он тут же пожалел о последнем сказанном слове, но девушка, кажется, ничуть не обиделась:

– Я не дура. Я – Пепельница.

– В каком смысле? – еще больше растерялся Кыля.

Девушка не ответила. Сигарета укрепилась в пухленьких губах, а в тонких пальчиках появился черный целлофановый пакет, в который она сосредоточенно принялась собирать валявшиеся на берегу пустые бутылки, банки, рваные пакеты, клочки бумаги и прочий мусор.

– Что значит – пепельница? – все-таки попытался уточнить рыболов.

– Можешь называть меня Пеп.

– Но почему ты сначала – назвалась Пепельницей? – вскипятился Кыля. И, не дождавшись ответа, задал новый вопрос:

– А вы вообще-то – кто?

– Прораб я. Вон на той самой стройке. – Сероглазая курильщица кивнула в сторону строящегося моста.

Этот самый новый мост вызывал у Кыли дикое раздражение. Его строили рядом со старым, но не для того, чтобы, заменить, а чтобы по нему легла новая трасса, которая в итоге проходила по лесу. Как следствие, лес на прокладке этой трассе вырубался, переставал существовать!

А в том самом лесу Кыля с детских лет собирал грибы и ягоды, жег с друзьями костры... Так там еще и пруд лесной был, в котором он ловил красных карасей. Но теперь тот пруд прекратил существование – по нему проложили автомобильную трассу. И грибам с ягодами в тех местах тоже настал кирдык.

Он вращал ручку безынерционной катушки и смотрел на девушку со странным именем, сосредоточенно убиравшую мусор, которого на берегу было слишком много, чтобы поместиться в один пакет.

– Что, не клюет? – бросила она на него мимолетный взгляд.

Кыля ничего не мог с собой поделывать, но его буквально завораживали ее серые глаза. Да и вообще все в ее миниатюрной фигурке, в движениях... Но сигарета во рту!

– На фига вы строите это новую трассу? – спросил он зло и, вытащив из воды блесну, забросил ее вновь, не глядя, куда полетит.

– Надо, – хмыкнула Пеп, она же Пепельница. – Тебе-то какое дело? Ты же в Москве живешь...

– Да в этих местах все мое детство прошло! А вы – травы, весь лес под корень изводите, в котором я летом грибочки белые с подосиновиками и сыроежками собирал, а осенью – опяточки!!!

– Раньше на месте славного города Звенигорода и твоей Москвы – тоже была дикая природа, – ответствовала Пеп. – Но ты же сейчас живешь в своей столице и не паришься в плане природы.

– Парюсь! – выкрикнул Кыля. – Парюсь, когда хотя бы одно дерево на моем районе губится.

= Гы-гы, – прозвучало в ответ, – верю-верю, сама болтунишка.

– И я сам не люблю дачников, которые понастроили на просеке двухэтажные особняки. Но теперь-то эта ваша трасса

будет проходить буквально впрыток к их домам. То есть, изначально люди вкладывали бабло, чтобы жить на природе, а теперь под их окнами будет автомобильная трасса.

– Ага, – вновь посмотрела на него Пеп, одновременно поднимая с земли очередную смятую пластиковую бутылку и убирая ее в пакет для мусора.

– Что – ага?! – все больше кипятился Николай Колчин. – А почему бы не проложить эту вашу трассу под землей, как в Норвегии делают? Они там еще и в скалах туннели прорубают...

– Дорого, – хмыкнула Пеп.

– Но – люди...

– Люди. Не надо было бросать свои деревенские дома под Рязанью, Тулой и Тамбовом, чтобы в Подмоскovie переться и здесь дачи на ворованные деньги строить.

– Да, при чем здесь Рязань и Тамбов? – еще больше вскипятился Кыля.

– Не прикидывайся, москвич, – усталилась на него Пеп серыми глазами, попыхивая сигаретой. – Скажи еще, что у тебя нет знакомого парня по прозвищу Пупыш, который бросил помирать свою мать старушку – в Тамбовской области, перебрался в московскую общагу, на дурака поступил в МАДИ потом устроился начальником транспортного отделения по перевозке мебели....

– Откуда ты все это знаешь? – округлил глаза Кыля.

– И когда он приезжал в мебельные магазины, ему сразу же опускали в карман

конверт с денежкой, после чего какая-то там проверка превращалась в фарс...

– Откуда ты это знаешь?!

Вместо ответа она лишь улыбнулась.

На самом-то деле Пеп сказала чистую правду. Был у Кыли знакомый приятель по прозвищу Пупыш и этот самый приятель действительно оставил доживать последние дни родную матушку в деревенском доме под Тамбовом, а сам обосновался в Москве, а затем на ворованные деньги отстроил в ближнем Подмоскovie шикарную дачу. При этом – ни жены, ни детей у него не было, да и не намечалось, хотя возраст давно подсказывал, что пора уже, пора!

Порой Кыля недоумевал – почему так? У человека в плане материального обеспечения есть все и с большим запасом, но в плане душевном – все настолько тускло... Кыля иногда задавался вопросом – а не гомик ли Пупыш, если совсем не интересуется женщинами? Однажды при совместном посещении русской бани он поинтересовался у приятеля, мол, как твои дела на женском фронте, почему до сих пор не обзаведешься спутницей жизни? На что Пупыш ответил, что он, мол, человек сентиментальный, а вопрос в этом плане очень серьезный, поэтому он не торопится... и тому подобное бла-бла-бла.

Эх, бабы-то – ладно, разговор отдельный. Но, родившийся в Тамбовской области Пупышев не интересовался ничем, кроме игрой на бирже и своим дачным участком. Даже не столько жилым домом на этом участке, а именно баней. К которой прилагались пиво с креветками и водка с шашлыком. И это – все! Книги Пупыш не покупал и не читал; рыбалку, охоту и

сбор грибов – отвергал; за какую-нибудь футбольную или хоккейную команду не болел; в карты, шахматы, нарды, домино... не играл. Каким-нибудь хобби, будь то филателия или нумизматика, не увлекался, считая, что это напрасная трата денег. Разве что периодически скупал золото, по его словам – так, на черный день. Из музыки слушал исключительно блатняк, шансон и попсу восьмидесятых, которые Кыля терпеть не мог, предпочитая классику, рок и джаз. Собственно, поэтому и очень редко общался он с приятелем Пупышем. Баня – да, у того была знатная, а поговорить после парилки, пусть и за пивком с креветками, о чем-то для Кыли интересном было не о чем. Ну, не о золоте же...

А о чем говорить на берегу любимой реки с сероглазой сборщицей мусора, которая, оказывается, была прорабом на ненавистной Кыле стройке?

– Скажи, Пепельница, – при произнесении ее имени он сделал ударение на первый слог, – ты что-нибудь в этой жизни ненавидишь?

– Мусор, – не раздумывая ответила она. – И тех, кто мусорит.

Она вытащила изо рта окурков, наклонившись, затушила его о землю и бросила в черный пакет. В следующее мгновение у нее во рту оказалась новая сигарета, к которой она поднесла зажигалку.

– Ты слышала такое выражение... – Кыля ухмыльнулся, – что целовать курящую женщину – все равно, что целоваться с пепельницей.

- А я и есть – Пепельница? – тоже

ухмыльнулась девушка, выпуская из носа и рта облако дыма.

– Да, что за идиотизм – так себя называть! Еще бы помойкой обозвалась!

При этих словах Кыля, вращавший катушку, почувствовал легкий удар в руку – так спиннингисты называют поклевку рыбы, когда она хватается приманку – и машинально сделал подсечку.

– Опа! – сказал он, почувствовав, что на другом конце снасти образовалась тяжесть.

И не просто тяжесть, а самое настоящее сопротивление! Схватившая блесну рыба сначала потянула на глубину, из-за чего спиннинг Кыли согнулся в дугу. Ему даже пришлось немного прокрутить катушку в обратном направлении, но затем рыба рванула в сторону, где было более быстрое течение, и вот уже она выскочила из воды, отчаянно мотая головой, чтобы избавиться от впившегося в пасть тройника. Щука! И совсем не маленькая!

Но на своем веку Николай Колчин лавливал и не таких крупненьких. Движением спиннинга вниз он ловко погасил «свечку», которую предприняла зубастая хищница, и, не торопясь, продолжил вращение катушки, с каждой секундой подводя рыбу ближе к берегу. Щука вертелась, билась на крючке, сделала еще одну свечку, но – куда там. Чтобы не упустить добычу, Кыля не стал пижонить, не раздумывая, ступил левой ногой в речку, сапог тут же увяз в прибрежном иле, зачерпнул ледяной водицы, но это была ерунда. Самое главное, что теперь спиннингист смог дотянуться рукой до приблизившейся к берегу щуки и мертвой хваткой схватить ее за глаза.

– Есть, на фиг! – Воскликнул Николай Колчин, в очередной раз проявивший свое рыбацкое мастерство и с торжествующей улыбкой посмотревший на наблюдавшую за происходящим девушку – с пакетом для мусора в руках и сигаретой в губах.

– Доволен? – хмыкнула она.

– Очень! – ответил Кыля, выбираясь повыше на берег.

– И что ты собираешься, сделать с этой несчастной рыбкой?

– Возьму домой. Потом почищу, выпотрошу, промою, порежу, пожарю – с лучком на подсолнечном масле и с удовольствием наслажусь деликатесом.

– Но это же живое существо! – крикнула Пет, и сигарета едва не выскочила из ее пухленьких губок. – И ты – так цинично приговариваешь рыбку к жестокой смерти?!

– Эта рыбка только что хотела сожрать мою приманку, которую приняла за другое живое существо, – пожал плечами Кыля, извлекая тройник из щучьей пасти.

– А как же нерестовый период, двухмесячный запрет на ловлю спиннингом?

– Ты для начала покажи мне того дебила, который придумал эти идиотские правила. И еще – покажи мне ту тварь, которая задумала вырубить лес в Подмоскowie ради какой-то ненужной трассы. А на самом-то деле – ради того, чтобы наворовать немислимое баблище.

– Как же я смогу эту тварь показать? – Сигарета Пеп переместилась из одного

уголка рта в другой. – Я – всего лишь прораб, отвечающий за стройку вверенного мне объекта.

– Ну, так и не надо парить мне мозги, про нерестовый период! Лучше дебильную стройку попробуй прекратить!

– Как я смогу это сделать?

– Не знаю! Но вижу, что ты какая-то особенная... Пепельница! Ты откуда-то в курсе, что я знаком с Пупышем, откуда-то... вообще слишком много знаешь...

– Да. Я – особенная. Как и ты. И мне сейчас и здесь очень жаль эту рыбку, которую ты так безжалостно держишь за голову. Которую ты собираешься...

– Отпустить в родную стихию! – не дал ей договорить Кыля и бросил щуку обратно в речку. С не очень громким всплеском щука вильнула хвостом и была такова.

– Я... не поняла, – растерянно сказала Пеп. – Ловил, ловил, поймал и... отпустил? Зачем? Почему?

– А зачем ты куришь?

– Это – совсем другое. Не надо сравнивать...

– А зачем из-за никому не нужной стройки уничтожают лес?

– Да при чем тут стройка? Стоп! Вопрос на засыпку. Ты хочешь, чтобы стройки не было как таковой?

– Да!

– А если, допустим, у тебя появится выбор – чтобы не было стройки, этого моста

и всего, что со всем этим связано, тебе пришлось бы уничтожить меня – что бы ты выбрал?

– Уничтожить тебя? Но – как?

– Да просто причинить мне боль.

Говоря это, Пеп была настолько спокойна, что Кыля ничуть не усомнился в правдивости ее слов.

– Иначе говоря, и подразумевая, некое всеильное существо...

– Да-да, я именно и есть – очень всеильное существо... – Сигарета в ее рту переместилась в другой угол.

– В таком случае – дай-ка закурить, – сказал Кыля.

У не в руках появилась приоткрытая пачка, и Пепельница щелчком ногтя выбила одну сигарету наполовину наружу. Кыля взял ее, сунул в рот и тут же прикурил от огня услужливо поднесенной Пеп зажигалки. И тут же вспомнился куплет песни, которую он недолюбливал: «Дым сигарет с ментолом...».

Нет! Недолюбливал – не то слово. Он ненавидел. Даже не саму песню, и не

тех, кому она нравилась, и не того, кто эту песню пел. Но тех, – кто эту песню пропустил в эфир... Он ненавидел тех, кто решил проложить автомобильную трассу по его любимому лесу, тех, кто постановил построить второй мост через его любимую речку... А еще он очень не любил курящих женщин...

– Причинивших сильную боль, говоришь?

– Кыля смачно затянулся. После чего резко ткнул сигаретой в правый глаз девушки. И тут же – в левый. И надавил со всей силы.

Но особой силы для какого-то эффекта и не потребовалось. Девушка, назвавшая себя Пепельницей, мгновенно растворилась, оставив после себя лишь запах ментола и крошечную горстку пепла.

Растворился и недостроенный мост через любимую Николаем Колчиным речку. Судя по всему, растворилась и ненавистная москвичу автомобильная трасса – словно ее и не было.

Но река-то осталась. А в этой замечательной реке, наверняка, еще плавали хищные рыбы, половить которых приехал сегодня знатный спиннингист Николай Колчин...

Евгений Константинов, Москва

Услуги	Фирма/имя	Адрес, Телефон, Доп. Информация
Бесплатные услуги по страхованию (medical, life, business, car, house and contents), income and mortgage protection. Страховой агент - стаж 12 лет. Работаю со всеми страховыми компаниями в Новой Зеландии	Светлана Янг - Registered Financial Adviser Safe-n-Sure (NZ) Ltd	Данидин: 14 Renfrew St., Balaclava; Окленд: 59 Apollo Dr., Albany PH: 0272899449; E: svetlana@safensure.net.nz W: www.safensure.net.nz
Заверенные переводы для официальных служб Новой Зеландии	Ольга Робертсон Auckland Translation Services	4 D Haast St, Remuera (09) 522 9417 ; 021 520 112 www.russian.co.nz ; translation@extra.co.nz
Качественный уход за пожилыми в частной больнице-пансионате Waimarie, лицензированном медицинском учреждении. Работают русскоговорящие сотрудники. Доступно русское телевидение. Питание в соответствии с пожеланиями	Waimarie Private Hospital	Окленд: 9 Waiatarua Road, Remuera, PH: Bob: 021 180 6617 PH: Shireen: 020 404 311 61 PH: Mario: 021 049 0233 E: manager@waimariehospital.nz E: mario@waimariehospital.nz ; W: www.eldernet.co.nz
Заверенные переводы любых документов, включая водительские права стран СНГ	Лариса Живых Eng-Rus Translation & Interpreting	PH: (09) 827 0570; 021 890 345 E: larissa.jivvykh@gmail.com ; S: skype: jlarissa21
Большой выбор общеобразовательных и творческих классов для детей и взрослых. Предлагаются групповые и индивидуальные занятия	Культурно-образовательный центр «Наш дом»	Окленд: 33 Rawene Rd, Birkenhead PH: 021 53 93 53 E: newsletter@nashdom.co.nz W: www.nashdom.co.nz
Русскоговорящий терапевт (GP)	Доктор Бушра Кадим (Bushra Kadhim)	Окленд: 11-13 Cortina Place, Pakuranga PH: 0800 439 8363 E: kiaora@tend.nz Скачайте Приложение для записи на прием www.tend.nz
Уроки английского и русского для иностранцев (в Веллингтоне или по скайпу). Заверенные переводы документов. Профессиональный переводчик	Ольга Суворова, Russian Keys Ltd.	PH: 027 458 4546 E: suvorova2005@mail.ru E: info@russiankeys.com
Индивидуальные и групповые программы по снижению веса, омоложению и укреплению здоровья на основе вашей персональной системы питания. Без дорогих анализов и препаратов По методикам ведущих мировых клиник.	Светлана Стрельникова - врач, эксперт по диетологии автор методики «Сытая стройность»	36 Darroch St., Belfast, Christchurch WhatsApp: +642108418484 бесплатная консультация calendly.com/svetlanastrelnikova/mc t.me/+gevl3PT44yl4MTMy facebook.com/groups/svetlanastrelnikova
Ускоренное обучение английскому, китайскому и японскому языкам по скайпу. Слушайте также программу «Занимательный английский» на Инфолайн «Наша Гавань»	Светлана Шевенко - профессиональный лингвист	PH: (09) 577 5482 E: lanaauckland@extra.co.nz
Заверенные переводы: русский, английский, быстро и качественно	Елена Наумова	PH: (09) 521 5589; 021 112 1222 E: lenanton@gmail.com
Уроки математики	Виктория Мананова	Окленд: 26/34 Esplanade Rd, Mt. Eden PH: 021 027 56772 E: vmananova8@gmail.com

АФИША «НАША ГАВАНЬ»

Уважаемые дамы и господа!

Предлагаем вам информацию о ближайших событиях культурной жизни русскоговорящего общества, которые пройдут в **Веллингтоне, Окленде, Крайстчерче**. Вы узнаете о спектаклях, концертах, гастролях российских и зарубежных артистов, выставках, спортивных соревнованиях. Надеемся, что наша информация поможет вам хорошо провести свое свободное время и не пропустить ни одного интересного события.

ВЕЛЛИНГТОН

10 – 15 ОКТЯБРЯ

На разных сценических площадках города прозвучат песни **«Европейская романтика/The Romance of Europe»** в исполнении новозеландских и европейских звезд. Первый концерт пройдет в Carterton Events Centre.

Адрес: Holloway St, Carterton, Wairarapa

Дополнительная информация: <https://www.eventfinda.co.nz/whatson/events/wellington-region/page/32>

13 ОКТЯБРЯ

Театральное арт-шоу **WOW Show (World of Wearableart)** пройдет в TSB Arena.

Адрес: 4 Queens Wharf, Wellington Central

Дополнительная информация: <https://www.worldofwearableart.com>

24 – 27 ОКТЯБРЯ

Королевский балет Новой Зеландии покажет в St.James Theatre балет **«Сон в летнюю ночь»**.

Адрес: 87/77 Courtenay Place, Te Aro, Wellington

Дополнительная информация: <https://www.wellingtonnz.com/visit/events/royal-new-zealand-ballet-2024-season>

2 НОЯБРЯ

Крупнейшее в Новой Зеландии шоу «Зеленый образ жизни и устойчивый образ жизни»/Go Green **Экспо 2024** пройдет в TSB Arena.

Адрес: Queens Wharf, Wellington

Дополнительная информация: eventfinda.co.nz/2024/wellington-go-green-expo-2024/wellington

ОКЛЕНД

3 ОКТЯБРЯ И 4 – 6 НОЯБРЯ

На разных сценических площадках города прозвучат песни «Европейская романтика/The Romance of Europe» в исполнении новозеландских и европейских звезд. Первый концерт пройдет в St Christian City Church

Адрес: 20 Cawley St, Ellerslie, Auckland

Дополнительная информация: eventfinda.co.nz/2024/the-romance-of-europe/auckland/ellerslie

12–18 ОКТЯБРЯ

Фильм-мюзикл «Эвита» о Еве Перон - любимице Аргентины. Его можно будет посмотреть в Playhouse Theatre

Адрес: 20 Cawley St, Ellerslie, Auckland

Дополнительная информация: eventfinda.co.nz/venue/auckland-waitakere-city-playhouse-theatre

17 ОКТЯБРЯ

В исполнении Оклендского симфонического оркестра в Town Hall прозвучат «**Картинки с выставки**» Мусоргского и другие классические произведения.

Адрес: 303 Queen St, Auckland CBD, Auckland

Дополнительная информация: <https://www.eventfinda.co.nz/venue/auckland-town-hall>

19 И 20 ОКТЯБРЯ

Театральная студия ЭКТАС (рук. Н.Герасимова-Брукс) покажет на сцене The Rose Centre спектакль для детей «Волк и козлята».

Адрес: 4 School Rd., Belmont, Auckland

Подробности и заказ билетов у Ани Блэк: 021 02325635 или anya_black@yahoo.co.nz

25, 26 И 27 ОКТЯБРЯ

Новая постановка театральной студии «Наш Дом» - музыкальный спектакль «Легкое поведение». Спектакль будет показан на сцене The Rose Centre.

Адрес: 4 School Rd., Belmont, Auckland

Подробности и заказ билетов: newsletter@nashdom.co.nz

11 НОЯБРЯ

Королевский оркестр артиллерийского полка H3/The Royal NZ Artillery Band выступит в Bruce Mason Centre.

Адрес: Cnr Hurstmere Rd & The Promenade, Takapuna, Auckland

Дополнительная информация: <https://www.eventfinda.co.nz/venue/bruce-mason-centre>

14,15,16 НОЯБРЯ – В 19.30

И 17 НОЯБРЯ В 18.00

Театр Елены Стежко представляет предновогодний спектакль “Гарнир по-французски” или Don't Dress For Dinner.

Спектакль будет показан в The Factory Theatre.

Адрес: 80 Onehunga Mall, Onehunga

Билеты \$60.00; Для студентов и пенсионеров \$50.00

Заказ билетов: www.iticket.co.nz или пишите нам имэйл dream.with.tec@gmail.com

14, 15 И 16 ДЕКАБРЯ

Мюзикл «Алиса» в постановке театрального коллектива «Наш Дом» пройдет на сцене The Rose Centre.

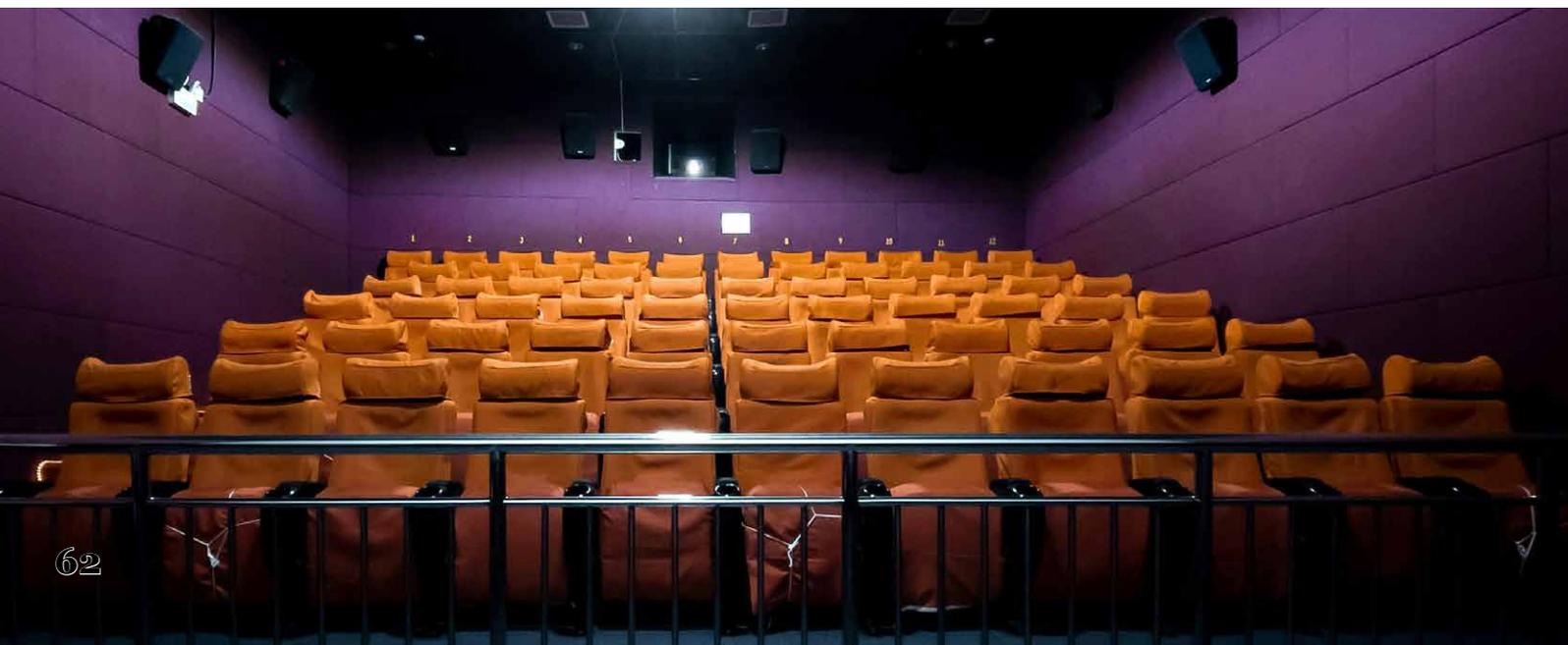
Адрес: 4 School Rd., Belmont, Auckland

Подробности и заказ билетов: newsletter@nashdom.co.nz

22 ДЕКАБРЯ 19:00

Вокальная студия “Премьера”/Voice Studio “Premiere” Виктории Додока представляет Мюзикл «Новогодняя Фантазия» для взрослых и детей.

Мюзикл состоится в The Rose Centre , Адрес: 4 School Rd., Belmont, Auckland

КРАЙСТЧЕРЧ

2 ОКТЯБРЯ

Встреча с известным британским актером David Walliams и его премьерной программой «Аудиенция с Дэвидом Уиллямсом» пройдет в Douglas Lilburn Auditorium, Town Hall.

Адрес: 86 Kilmore St, Christchurch

Дополнительная информация: <https://www.eventfinda.co.nz/2024/an-audience-with-david-walliams/christchurch?>

19 ОКТЯБРЯ

Концерты классической музыки представит в Центре искусств, The Piano, симфонический оркестр города.

Адрес: 156 Armagh Street, Christchurch

Дополнительная информация: <https://www.eventfinda.co.nz/2024/lamb-akn/christchurch>

31 ОКТЯБРЯ

Королевский балет Новой Зеландии покажет в Isaac Theatre Royal балет «Сон в летнюю ночь».

Адрес: 145 Gloucester St, Christchurch

Дополнительная информация: <https://www.eventfinda.co.nz/venue/isaac-theatre-royal-christchurch>

18 НОЯБРЯ

Новозеландского трио «Мортон Трио» (скрипка, валторна, фортепиано) выступит в Центре искусств, The Piano

Адрес: 156 Armagh Street, Christchurch

Дополнительная информация: <https://www.eventfinda.co.nz/2024/morton-trio-violin-french-horn-piano/christchurch>

Знаете о новых событиях в вашем городе? Хотите поделиться?

напишите нам о них на e-mail: rusnewsnz@gmail.com или rshkrab@gmail.com с пометкой – “Infoguide”.

О событиях узнает все русскоязычное население Новой Зеландии.

Посмотреть Афишу или добавить информацию о новых событиях вы

можете на нашем веб-сайте: www.rusnewsnz.com

На нашем Youtube channel, а также в Instagram (@nginfonz)

Наша Гавань

КОНКУРСЫ, ВЫСТАВКИ, ФЕСТИВАЛИ

Это еще одна наша страница в Фэйсбуке, где выставляются работы наших мастеров в разных жанрах – от фотографий и картин до скульптур и других работ прикладного творчества.

Проводятся виртуальные персональные выставки.

Адрес странички:

www.facebook.com/groups/617809839452303

Наша Гавань

ИНФОРМАЦИОННЫЙ ПРОЕКТ «НАША ГАВАНЬ»:

Газета «Наша Гавань»: НГ Радио, НГ ТВ, Афиша;

Бизнес справочник - www.rusnewsnz.com; [Telegram](#);

[FB - Наша Гавань/Our Harbour](#); [Instagram](#); [Youtube](#) .

Рекламное агентство: Информационные, печатные и рекламные издания, изготовление websites

ПРИЕМ ОБЪЯВЛЕНИЙ И РЕКЛАМЫ:

E: rusnewsnz@gmail.com, rshkrab@gmail.com

ВНИМАНИЮ РЕКЛАМОДАТЕЛЕЙ

Разместите вашу рекламу
в информационном проекте «Наша Гавань»

И ЕЕ УВИДЯТ:

- читатели газеты «Наша Гавань», которые получают ее по рассылке,
 - на нашем сайте www.rusnewsnz.com
- подписчики «Афиша–Наша Гавань», которые получают ее по рассылке,
 - в соцсетях на наших страницах.

**Расскажите о своем бизнесе нашим подписчикам.
Напомните о себе старым клиентам
и приобретите новых!**

Размещение рекламы: rusnewsnz@gmail.com

УВАЖАЕМЫЕ ПОДПИСЧИКИ!

**Обратите внимание на наш, постоянно обновляемый,
веб-сайт: www.rusnewsnz.com**

Там вы найдете не только интересные материалы,
Афишу культурных событий, но и в разделе НГ
NZ TV www.rusnewsnz.com/tv вы можете посмотреть
новые фильмы о Новой Зеландии; видеорепортажи,
интервью от известных и новых новозеландских блогеров;
новые музыкальные клипы.

В разделе НГ Радио www.rusnewsnz.com/radio/ вы можете
послушать наши аудио-интервью, а также радиопередачи и
подкасты наших партнеров из Австралии и других стран.

Редакционная коллегия: Александр Здор, Римма Шкрабина,
Нина Слепухина, Виктория Мананова, Елена Наумова.
Дизайнер: Александр Ефимов. **Администратор сайта:** Дмитрий Ульянов.
Фотографии: Надежда Муравлева. **Распространение:** Лев Ронжин.
Учредители: Alexanderz Ltd и All Together Multi-Culture Society Club NZ. Inc.

Наши контакты: тел.(09) 577 46 00, e-mail: rusnewsnz@gmail.com;
rshkrab@gmail.com; www.rusnewsnz.com

По вопросам рекламы обращаться: rusnewsnz@gmail.com
Мы в Facebook (<https://www.facebook.com/groups/170012719719627/>)
и Instagram ([@nginfonz](https://www.instagram.com/nginfonz))

© Все права издания защищены.

Редакция не несет ответственности за содержание рекламы и объявлений.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов статей.

Рассылка электронной версии «е-Наша Гавань» составляет
более 4000 адресов. ISSN 2324-3554 (Online).

